

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени И. С. ТУРГЕНЕВА»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
по направлению подготовки 50.04.01 Искусства и гуманитарные науки
направленность (профиль) Философия гуманитарных наук

Студента Соковой Ольги Будимировны

Факультет философский

Тема выпускной квалификационной работы

**ФИЛОСОФСКИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ
ПОНЯТИЯ «СВОБОДА»**

Студент _____ Сокова О.Б.

Научный руководитель _____ к.ф.н., доц. Ковалёва Е.В.

Зав. кафедрой _____ д.ф.н., проф. Пахарь Л. И.

Орёл 2019

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
 ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
 УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
 «ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
 имени И.С. ТУРГЕНЕВА»

Философский факультет
 Кафедра философии и культурологии
 Направление подготовки (специальность) 50.04.01 Искусства и гуманитарные науки
 направленность (профиль) Философия гуманитарных наук

УТВЕРЖДАЮ:

Зав. кафедрой

_____ Пахарь Л. И.

«31» октября 2018г.

ЗАДАНИЕ

на выполнение выпускной квалификационной работы

студента Соковой Ольги Будимировны шифр 176108

1. Тема ВКР Философский и художественный аспекты понятия «свобода»
 Утверждена приказом по университету от «28» ноября 2018 г. № 2-3772
2. Срок сдачи студентом законченной работы «9» июня 2019 г.
3. Исходные данные к работе

4. Содержание ВКР (перечень подлежащих разработке вопросов)

В работе должны быть последовательно раскрыты следующие вопросы:

- Объем и содержание понятия «свобода»;
- Проблема свободы в Античной и Средневековой философии;
- Значение свободы в моральной философии Канта;
- Свобода как центральное понятие философии Н. А. Бердяева;
- Михаил Веллер о свободе;
- Эрих Фромм: свобода и ответственность;
- Выражение свободы в жизни и произведениях А. П. Чехова;
- Тема свободы в русской поэзии: Пушкин и Цветаева;
- Свобода в произведениях Уолта Уитмена;
- Тема свободы в творчестве современных орловских поэтов

Дата выдачи задания « 31 » октября 2018 г.

Научный руководитель ВКР
 Е.В.

 (подпись)

Ковалёва
 (ФИО)

Задание принял к исполнению

 (подпись)

Сокова О.Б.
 (ФИО)

КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН

Наименование этапов ВКР	Срок выполнения этапов работы	Примечание
Поиск и изучение литературы, первоисточников и документов по проблематике ВКР	Ноябрь 2018 г. – январь 2019 г.	
Написание 1 главы ВКР	Январь-февраль 2019 г.	
Написание 2 главы ВКР	Февраль-март 2019 г.	
Написание 3 главы ВКР	Апрель-май 2019 г.	
Написание введения и заключения, оформление ВКР по положению «О выпускной квалификационной работе П ОГУ 84-01-02-2018»	Май 2019 г.	
Проверка на антиплагиат сервисом «Антиплагиат.ВУЗ»	Июнь 2019 г.	
Рецензирование работы	Июнь 2019г.	
Защита ВКР	Июнь 2019 г.	

Студент

(подпись)

Сокова О.Б.

*(ФИО)*Научный руководитель ВКР
Е.В.

(подпись)

Ковалёва

(ФИО)

АННОТАЦИЯ

Объем выпускной квалификационной работы состоит из 90 страниц, а **структура** включает введение, три главы, заключение, 84 использованных источника, 3 приложения.

Ключевые слова: свобода, воля, трансцендентность, активность, деятельность, красота, любовь, поэзия, проза, реальность.

Актуальность исследования.

Понятие «свобода» является одним из наиболее сложных философских концептов. И в то же время — это слово, которое мы употребляем и слышим каждый день, порой не задумываясь о его смысле, слово, которое играет роль и в определении нашего духовного состояния, и в описании жизни общества. Генрих Гейне заметил, что свобода стала «религией нового времени» — высшей ценностью и предметом поклонения, требующим жертв. За прошедшее столетие свободу поднимали на знамя патриоты и космополиты, коммунисты и либералы, партийные лидеры и неформалы. От частого употребления значение слова начало терять свои очертания, стираться. Единственный способ противостоять этому разрушительному процессу — внимательнее вглядываться в смысл, обращение к опыту философии и литературы, к взглядам крупнейших представителей духовной культуры. Диалог с прошлым способен придать новое звучание понятию «свобода» и заставить нас заново осознать его ценность. Это и делает **актуальным** наше исследование, направленное на выявление философских и художественных аспектов понятия «свобода» в произведениях крупных философов и литераторов.

Целью исследования является выявление философских и художественных аспектов понятия «свобода».

Для достижения данной цели в работе последовательно решается ряд **задач:**

- проанализировать понятие «свобода»

- рассмотреть особенности трактовки понятия «свобода» в философии Канта, Бердяева, Фромма.

- провести сравнительный анализ трактовки свободы Кантом, Бердяевым, Веллером

- выявить особенности художественного раскрытия темы и понятия свободы в сочинениях ряда выдающихся поэтов.

- провести сопоставление философских и художественных аспектов понятия «свобода».

Методологическая база исследования основывается на системно-аналитическом, компаративно-дискриптивном, конкретно-историческом методах, а также методе описательной поэтики, определяющем художественно-эстетическое своеобразие произведения.

Теоретическая и практическая значимость работы. Разработка темы «Философский и художественный аспекты понятия «свобода» может быть использована для воспитания полноценной, счастливой личности. Ориентации личности на высокие этические и эстетические ценности. По итогам исследования была опубликована следующая работа:

Сокова О.Б, О голубях и свободе/ О.Б.Сокова// Орловский вестник. — 2018. — №31. — С.15

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ «СВОБОДА» И ПРЕДПОСЫЛКИ ЕЁ ОСМЫСЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ.....	10
1.1. Объём и содержание понятия «свобода».....	10
1.2. Проблема свободы в Античной и Средневековой философии.....	12
ГЛАВА 2. ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «СВОБОДА» В КОНЦЕПЦИЯХ ЗАПАДНЫХ И РОССИЙСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ.....	17
2.1. Значение свободы в моральной философии Канта.....	17
2.2. Свобода как центральное понятие философии Н.Бердяева.....	20
2.3. Михаил Веллер о свободе.....	27
2.4. Эрих Фромм: свобода и ответственность.....	29
Глава 3. Образ и понимание свободы в художественной литературе XIX – XXI вв.....	37
3.1. Выражение свободы в жизни и произведениях Чехова.....	37
3.2. Тема свободы в русской поэзии: Пушкин и Цветаева.....	47
3.3. Свобода в произведениях Уолта Уитмена.....	52
3.4. Тема свободы в творчестве современных орловских поэтов.....	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	69
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:.....	72

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «свобода» является одним из наиболее сложных философских концептов. И в то же время — это слово, которое мы употребляем и слышим каждый день, порой не задумываясь о его смысле, слово, которое играет роль и в определении нашего духовного состояния, и в описании жизни общества. Генрих Гейне заметил, что свобода стала «религией нового времени» — высшей ценностью и предметом поклонения, требующим жертв. За прошедшее столетие свободу поднимали на знамя патриоты и космополиты, коммунисты и либералы, партийные лидеры и неформалы. От частого употребления значение слова начало терять свои очертания, стираться. Единственный способ противостоять этому разрушительному процессу — внимательнее вглядываться в смысл, обращение к опыту философии и литературы, к взглядам крупнейших представителей духовной культуры. Диалог с прошлым способен придать новое звучание понятию «свобода» и заставить нас заново осознать его ценность. Это и делает **актуальным** наше исследование, направленное на выявление философских и художественных аспектов понятия «свобода» в произведениях крупных философов и литераторов.

Объект исследования: сочинения европейских и русских мыслителей и поэтов, обращавшихся к теме свободы.

Предмет: философские и художественные аспекты понятия «свобода» в трудах философов И. Канта, Н. А. Бердяева, М. Веллера и в произведениях художественной литературы (У. Уитмена, А. С. Пушкина, А. П. Чехова, М. Цветаевой и др.).

Цель исследования: выявление философских и художественных аспектов понятия «свобода».

Цели соответствуют следующие **задачи:**

- проанализировать понятие «свобода»

- рассмотреть особенности трактовки понятия «свобода» в философии Канта, Бердяева, Фромма.

- провести сравнительный анализ трактовки свободы Кантом, Бердяевым, Веллером

- выявить особенности художественного раскрытия темы и понятия свободы в сочинениях ряда выдающихся поэтов.

- провести сопоставление философских и художественных аспектов понятия «свобода».

Решение перечисленных задач предполагает использование таких **методов**, как системно-аналитический, компаративно-дискриптивный, конкретно-исторический и метод описательной поэтики, определяющий художественно-эстетическое своеобразие произведения.

Степень разработанности проблемы:

Свобода как философский концепт исследуется в нашей работе на примерах ее понимания в трудах И.Канта, Э. Фромма, Н.Бердяева, Ж.Сартра, М.Веллера. Взгляды этих мыслителей на свободу являются предметом нашего анализа. При этом мы опираемся на сложившуюся в отечественной историко-философской науке традицию их исследования.

Тема свободы в философских трудах Канта является достаточно разработанной. Из авторов, которые затрагивали этот вопрос необходимо отметить можно отметить В.Ф.Асмуса, Д.В. Гарбузова. В последнее время проблема освещалась в статьях В.А.Рабоша, С.Н.Коськова, А.В.Залевского, В.В.Богданова и др.

В меньшей степени исследованы взгляды на свободу Эриха Фромма. Здесь можно отметить М.В.Егунёва, А.Э.Мезенцева, Г.М.Тихонов, Е.А.Лебедева

Творчество Н. Бердяева, и особенно проблема свободы, напротив, привлекает достаточно большое количество исследователей. Это, в первую очередь, Р. А. Гальцева, И. Б. Роднянская, И. И. Евлампиев, внесшие заметный вклад в исследование творчество классика русской философской

мысли. В настоящий момент по данной проблеме публикуют работы А.С.Стрельцова, А.Л. Завгородней, О.А.Запеки и др.

В общетеоретическом плане для понимания проблемы многое дали работы Г. Л. Тульчинского, Р. Г. Апресяна, Г. С. Померанца.

При анализе художественных произведений мы опирались на методологию и статьи Б. С. Рогового, статьи Н.В. Хомук , А.А. Аствацатурова , книги К.И.Чуковского, М.Л.Семановой, И.Н.Сухих, А.Б. Дерман

Структура работы включает в себя введение, три главы, заключение и список литературы, состоящий из 83 источников.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ «СВОБОДА» И ПРЕДПОСЫЛКИ ЕЁ ОСМЫСЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

1.1 Объём и содержание понятия «свобода»

Понятие «свобода» является одним из наиболее сложных. Не случайно в различных словарях можно найти существенно различающиеся определения. Так в «Новой философской энциклопедии» свобода трактуется как отношение субъекта к своим актам, при котором определяющей их причиной является он сам и эти акты «непосредственно не обусловлены природными, социальными, межличностно-коммуникативными, индивидуально-внутренними или индивидуально-родовыми факторами» [37, с.501]. В более широком значении толковый словарь Ушакова объясняет свободу, как возможность проявления субъектом своей воли. [49] А толковый словарь русского языка Ефремова Т.Ф. представляет значения этого слова, скорее, в социальном смысле как «отсутствие зависимости от кого-либо, возможность располагать собою по собственному усмотрению, желанию», «избавление от чего-либо стесняющего, связывающего, тяготеющего над кем-либо». [49] Толковый словарь Даля, по сути, вторя словарю Ушакова, непосредственно трактует свободу как свою волю, «возможность действовать по-своему, отсутствие стеснения, неволи, подчинения чужой воле». [49] Нетрудно заметить, что многие из смыслов, представленных в словарях, антропологичны. Составители словарей упоминают общественно-политическую жизнь, присущую человеку (в отличие, например, от животных), пишут о свободе слова, печати, уничтожении эксплуатации, и т.п. Можно также заметить, что при объяснении понятия «свобода» особенно выделяется понятие «воля», которое в различных словарях объясняется в узком и в широком смыслах и затрагивает способность субъекта к выбору, действию, цели. Понятия «свобода» и «воля», в некотором смысле, близнецы. На русском

языке одно из значений слова «воля» представляет собой синоним слова «свобода». Но воля обладает свойством силы и власти, имеет динамику и направление. Воля — это способность принимать решения и, приняв решение, прилагать целенаправленные усилия для его выполнения. Воля сознательна, она связана с разумом, в отличие от желаний, влечений, страстей, которые обусловлены чувственностью, эмоциями и зачастую бессознательны. Понятие «воля» чрезвычайно близко к понятию «я».

В философской мысли сложились две крайние позиции по отношению к свободе: фатализм, отрицающий существование свободы и волюнтаризм — отрицание какой-либо внешней зависимости человеческого существования. Между ними — философы, пытающиеся в своих учениях соединить свободу с необходимостью.

Спиноза писал, что природа, то есть Бог существует необходимо, но вместе с тем и свободно. Свобода в понимании Спинозы не изначальное свойство человека, а результат его познавательной деятельности, условием свободы является не только созерцание необходимости, но прежде всего, активность человека.

В философии Просвещения свобода связывалась прежде всего с жизнью социума и с политическими правами. Здесь она рассматривалась не как внутренняя присущая человеку воля, а как граница возможностей реализации потребностей и желаний. Свобода одного определяется требованиями и правами окружающих. Общество должно «обеспечить» каждому своему члену тот необходимый объем свободы, который способствует его самораскрытию, как деятельного субъекта.

Иной взгляд на свободу возникает в эпоху романтизма, в значительной степени под влиянием идей Канта. Свобода актуализируется и переходит из плана внешнего (условия существования) во внутренний, связывается в нравственным выбором и творческой самореализацией. Представитель немецкой классической философии близкий по взглядам к Йенским романтикам, Йозеф Шеллинг высказал точку зрения, что в

сверхчувственной основе внутренняя необходимость, по сути, выступает в роли свободы: «...сущность человека есть его собственное деяние, необходимость и свобода существуют одна в другой, как одна сущность, лишь рассматриваемая с различных сторон и потому являющаяся то одним, то другим; в себе она свобода, с формальной стороны она – необходимость» [81, с.165].

Сторонники детерминистского подхода утверждают, что причинная обусловленность и необходимость выступают как единственное основание свободы человека. В свою очередь последователи индетерминизма не признают роль необходимости и считают свободу имманентной человеческому бытию. От понимания возможности и реальности свободы зависит понимание и осознание человеческой ответственности.

1.2. Проблема свободы в Античной и Средневековой философии

Впервые тема свободы возникает в античной философии. Поскольку античный период оказывает в дальнейшем заметное влияние на западноевропейскую и русскую мысль, имеет смысл кратко рассмотреть первые шаги, сделанные ею в рассмотрении интересующей нас проблемы.

Если говорить об «имплицитном» понимании свободы, которое стихийно сложилось в античной культуре, то можно заметить, что у греков и римлян свобода понималась, во-первых, как возможность распоряжаться своей судьбой в тех пределах, которые полноправному гражданину полиса предоставляет общественное устройство, а во-вторых, она осознавалась лишь как привилегия некоторых. Античная философия также признавала противоположность свободного человека и раба.

В целом, для античности характерен фатализм, то есть отрицание свободы, и признание всех событий уже «запрограммированными» судьбой. Отсюда страсть греков к гаданиям и прорицаниям, традиция обращения к оракулам.

Древнегреческий философ Демокрит (ок. 460 до н. э) — один из основателей атомистики и материалистической философии, распространил принцип детерминизма на психические феномены и действия человека. Он не различал необходимость и причинность и склонялся к выводу, что свободы не существует. Демокрит и его учитель Левкипп (5 век до н.э.) утверждали, что все явления, все связи событий носят необходимый характер. Что в мире нет случайностей, каждое явление строго необходимо. Если людям кажется, что происходит случайность — это плод незнания, невежества, фантазии. В сочинении «Об уме» Левкипп говорил: Ни одна вещь не происходит беспричинно, но всё возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости» [31, с.53]

В дальнейшем Эпикур (442-441 до н.э), критически оценивая учение Демокрита, приходит к парадоксальному выводу: свобода должна быть найдена в условиях самой необходимости. Его учение о спонтанном отклонении атомов теоретически обосновывало учение о свободе воли. Ведь душа тоже состоит из атомов, а атомы могут произвольно отклоняться, значит, имеется неопределённость, то есть, свобода. Счастье, по Эпикуру, без свободы невозможно. Вдобавок, «свобода отдельных индивидов зависит от степени свободы самого общества» [34, с.361]. Эпикур связывает свободу с внутренним выбором и усилиями самого человека. Свобода должна быть найдена в условиях необходимости, так как в противном случае, все усилия философов по формированию этических учений оказываются тщетными. Нельзя говорить о выстраивании той или иной жизненной стратегии, если душа не свободна — подчиняется всеобщему закону Необходимости.

Крупнейший представитель классического периода в истории античной философии, Сократ (469-399 гг. до н.э.), также пришёл к выводу, что человек может быть свободным. Человек в его учении — самостоятельная сущность, судьба не довлеет над человеком, не несёт ответственность за его поступки. Однако Сократ имел в виду, прежде всего, внутреннюю свободу

человека. Она возможна в любых ситуациях, при любых обстоятельствах. Для её проявления нужны самообладание, возможность беспрепятственного внутреннего самоопределения, господство над физическими инстинктами. Интеллектуальные способности способствуют проявлению свободы, позволяя человеку постичь окружающий его мир. Нравственность и разум играют большую роль во внутреннем освобождении. Когда перед человеком возникают альтернативы, выбор производится на основе собственной ответственности. «Те, кто ошибаются в выборе между благом и злом, не достаточно осознавали ответственность и совершали ошибочные действия» [11, с.183]. В отличие от Антисфена — киника из Афин (ок. 444-368), Сократ не считал добродетелью терпеть нужду, голод, холод. Но в то же время был смел в отношении к жизни и к смерти. В жизни вёл себя смело и свободно по отношению к озлобившейся на него власти, на суде пошутил, чем вызвал приступ ярости у присяжных заседателей. Приговорённый к смерти, спокойно выпил яд, сделав выбор — у него была возможность сбежать и спастись.

Ученик Сократа, Платон (427-347 гг. до н.э.) считал, что в человеческом мире есть свобода, предполагающая выбор своего пути. Эта свобода реализуется не только при жизни, но и в посмертном существовании. Души умерших пьют воду из реки забвения, забывают о прошлом и рождаются в новой, выбранной ими жизни. [16, с.37] Но абсолютной свободы все-таки нет, выбор человека определяется его прошлой жизнью, наличием у человека подлинных знаний и мудрости, которые он приобретает на жизненном пути. Платон был первым из древних, кто задал вопрос: а нужна ли человеку свобода? Ведь человек может злоупотребить свободой, направив её силу на разрушение. Этот вопрос стал источником размышлений для философов и психологов спустя многие века.

Аристотель (384 – 322 гг. до н. э.) ставил человека выше всех существ в иерархии мира. Он считал, что человек более способен к свободе от

физической материальности, чем все остальные. Свобода рассматривалась Аристотелем и в социально-политическом аспекте, где она связывалась с возможностью выбора и участия в политических делах. Аристотель, в отличие от Платона, был сторонником демократии.

Представители стоицизма — философской школы, возникшей в Афинах около 300 г. до н. э. — во времена раннего эллинизма и сохранившей влияние вплоть до конца античного мира — считали, что положение человека в мире хотя и определено, но не задано абсолютно жёстко. Что есть предназначенная каждому линия судьбы, к которой в реальной жизни можно приблизиться. Но которая не может быть воспроизведена абсолютно точно.

Стоики рассматривали осознанную покорность необходимости как внутреннюю свободу. Ее условием должно стать осознание неотвратимости судьбы. Эпиктет (ок.50 г) говорил: Нам неподвластно все находящееся вне нас, телесное, внешний мир. Не сами вещи, а наши представления о них делают нас счастливыми или несчастными; но наши мысли, стремления, а, следовательно, и наше счастье подвластно нам. И что надо научиться различать то, что можно сделать в наших силах и что не в наших. Эпиктет, будучи с детства рабом, стал потом вольноотпущенником. Невозмутимость этого мудрого раба удивила и устыдила его хозяина. Когда тот принялся избивать его, Эпиктет спокойно сказал: «Ты мне ногу ломаешь». Когда хозяин ногу всё-таки сломал, Эпиктет сказал: «Я же говорил, что ломаешь...» [84]

В целом, свобода остается достаточно «проблемным» понятием в истории античной мысли. Эллинистический рационализм так и не находит для нее последовательного объяснения. Актуализация темы свободы связана с распространением христианства. Иррационализм христианского учения, его антиномический, парадоксальный характер, дают возможность к более полному пониманию свободы.

Решительный шаг в сторону волюнтаризма делает Августин Аврелий (354 – 430). Для него воля первична по отношению к разуму: разум только инструмент в руках воли. Мир возникает в результате волевого акта Бога, его свободного произволения. В то же время, человеческая свобода оказывается не подлинной. Она принадлежала человеку до грехопадения, но была утрачена в результате конфликта с Богом и отпадения от него. Ущербность свободы связывается Августином с представлением о «первородном грехе». По его мнению, человек от рождения имеет безотчетную склонность к греху, которая может быть преодолена только с помощью Бога – после обращения к Нему. При этом обращение должно произойти через посредство Церкви. Августин закладывает основания принципа «нет спасения вне Церкви», имевшего особое значения для католицизма. Свобода по Августину имеет двойкий характер — она может быть реализована «положительно» — как направленность к спасению и отрицательно — как направленность к греху и полное порабощение им. Отрицательная реализация свободы, по сути, является несвободой. Уже в концепции Августина ставятся сложнейшие вопросы, связанные со свободой и ее реализацией, на которые философия будет искать ответы вплоть до сегодняшнего дня. Многие мысли о свободе, высказанные Августином и Восточными отцами Церкви, в дальнейшем получают развитие и новую трактовку в русской религиозной философии конца XIX – начала XX века и в философии экзистенциализма (Хайдеггер, Ясперс)

ГЛАВА 2. ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «СВОБОДА» В КОНЦЕПЦИЯХ ЗАПАДНЫХ И РОССИЙСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

2.1 Значение свободы в моральной философии Канта

Роль философии Иммануила Канта в истории западной философии трудно переоценить. Его сочинения заложили основы целой эпохи в развитии европейской мысли. Кант совершает подлинный переворот в теории познания, наделяя сознание субъекта активностью: разум не просто отражает, но преобразует действительность, внося в нее порядок и гармонию. Еще большей самостоятельностью для Канта наделен «практический разум» — разум, отвечающий за моральный выбор. Именно с ним связано понятие свободы и возможность жизненного выбора, определяющий человека как существо моральное, наделенное врожденным и «вне-природным» чувством долга.

Согласно учению Канта, человек, подчинённый природной необходимости, в качестве феномена — природного существа, не имеет свободы. Но он всё-таки свободен. Его свобода коренится в ноуменальной глубине. Ноумены, по Канту — объективные, внеприродные, трансцендентные по отношению к ней «причины» — основания природных феноменов. Наличие у нас разума есть свидетельство нашей причастности к ноуменальному миру и существования его самого. [63]. Всякая вещь, которая имеет феноменальную сторону, имеет и ноуменальную. Человек - это не просто природное явление: он тоже «вещь в себе», сущность которой в свободе и нравственности. Разум отличается от рассудка, постигающего только явления природы. Разум – источник долженствования. В тоже время, источник свободы. Нравственное начало человека, как «вещи в себе» предполагает три условия, без которых человек, как нравственное существо, невозможен: свободу, бессмертие души и Бога. В «Критике практического разума» исследуется человек, определяющий сам себя, обладающий

автономной волей, свободный и нравственный человек. Однако, с не трансцендентной точки зрения, не в идеале, человек — эмпирический субъект, подчинённый необходимости, встроенный, как и любое явление природы в причинно-следственную цепочку. Тогда как можно необходимую причинность совместить со свободой? Если событие или поступок включаются в поток времени, их нельзя рассматривать, как свободные. И как возможна свобода разумного существа в мире, где все явления и процессы протекают несвободно, согласно необходимости? И человек, соотносящий своё поведение с законностью, бытовыми нормами и.т.д., подверженный суете, а значит, не имеющий полной свободы автономной воли, не может полностью проявить себя как «вещь в себе». Люди, как эмпирические субъекты, конструируют своё мировосприятие, живут в мире привнесённых из внешнего мира и принятых ценностей, и эти ценности детерминируют их поступки. Но эти принятые ценности и директивы не всегда соответствуют внутреннему «Я» человека, отдаляют его от истинного назначения, от истинных общечеловеческих ценностей, от общения с Богом, довольно часто предполагают конформизм, несвободу. Увеличивается разрыв между должным и сущим. В таком случае, человек не более, чем часть природы, мыслящий механизм, поведение которого можно предсказать, рассчитать, как природное явление, например, как солнечное затмение. И не только рассчитать, но и управлять этим поведением, делая объект манипуляций всё более не свободным, далёким от своей истинно-трансцендентной сущности. Если бы было возможно глубоко проникнуть в образ мысли зависимого от многих факторов человека, его поведение можно было бы предсказать «с такой же точностью, как лунное или солнечное затмение» [3, с.340] Поэтому, если бы существование «вещей в себе» определялось существованием их во времени, то понятие свободы «следовало бы отбросить как никчемное понятие» [3, с.340] Даже если различать причинность физическую и психическую, как делали например, представители школы Вольфа, утверждая, что поступки, совершаемые по

нашим внутренним представлениям, желаниям, решениям являются свободными, всего лишь уловка. Психическая причинность — тоже необходимость. Ведь она тоже подчиняется временной причинно-следственной связи.

Кант предлагает различать существование вещей в качестве явлений во времени и как «вещей в себе», к которым не применимо понятие существования во времени. Где-то в своей сути время должно быть идеальным. Само по себе оно не обладает самостоятельной реальностью. «Если же мы возьмем предметы так, как они могут существовать сами по себе, то время есть ничто». [15] А также: «Свойства, принадлежащие вещам самим по себе, вообще никогда не могут быть даны нам посредством чувств. В этом именно состоит трансцендентальная идеальность времени, согласно которой оно, если отвлечься от субъективных условий чувственного наглядного представления, вовсе не существует и не может быть причислено к предметам самим по себе... ни как субстанция, ни как свойство».[15] Кант приходит к выводу, что свобода и необходимость могут существовать «независимо друг от друга и не препятствуя друг другу». [3, с.343] Человек есть одно из явлений чувственно воспринимаемого мира, а значит, одна из причин, подчинённая эмпирическим законам. С другой стороны, человек с помощью разума может умопостигать самого себя. А разум «существенно отличается от всех эмпирически обусловленных способностей». [3, с.346] Разум не подчинён условиям чувственности, не относится к числу явлений. Человеческое «Я» одновременно и чувственно постигает мир и умопостигает его. Однако, у Канта термин «умопостижение» означает не то, что познаётся умом. Да, человек в уме может понимать, что есть «вещи в себе» — некие основания, лежащие под явлениями мира, но постигнуть умом до конца этот мир не может, оставляя такое познание лишь в виде задачи. Но всё же, пусть даже непостижимый разумом мир вещей в себе, даёт разрешение антиномии: в одном и том же действии человека могут соединиться без всякого

противоречия свобода и необходимость. Антиномия свободы и необходимости представляется мнимой.

Категорический императив предполагает осознание не только самоценности, но и осознание самоцели, ценности окружающих, непреходящие общечеловеческие ценности. Человек — цель сама по себе, а не средство для удовлетворения различных желаний. Кантовское понимание долга — служение одного свободного человека другому. Свободный, нравственный человек, поступающий в различных жизненных ситуациях, исходя из своего «Я», несёт ответственность перед Богом и людьми. Признание свободы необходимо, ибо без неё невозможно признать личную ответственность человека за его действия.

В процессе исторического развития, человек от понимания себя как части природы, пришёл к осознанию себя как личности, нравственного существа, обладающего духовным миром. Стало ясно: каждый человек — больше, чем эмпирический субъект. И может, хотя бы даже в маленьком интервале или потенциально, проявить автономную волю, стать «вещью в себе». Но это не значит, стать своевольным эгоистом. И не значит, отказываться от всех притязаний на счастье. Но забота о своём счастье не может быть принципом долга. Просто там, где речь идёт о долге, на эти притязания не нужно обращать внимание. По Канту, свобода воли есть свойство воли быть самой себе законом, а «свободная воля и воля, подчинённая нравственным законам, — это одно и то же»[3, с.338].

2.2 Свобода как центральное понятие философии Н. А. Бердяева

Свобода — это одна из основных идей крупнейшего представителя русской религиозной философии Николая Александровича Бердяева. Основой его философии, всегда сохранявшей качества искренности и страстности убеждений, выступали понятия свободы и творчества, которые были для него тесно связаны с высоким предназначением человека, с его религиозными и жизненными исканиями. Будучи представителем русской

религиозной мысли, он так же был близок к идеям экзистенциализма и, в первую очередь, в своей трактовке свободы и ее роли в жизни человека.

Свобода и творчество для Бердяева неразрывно связаны. Только свобода может рождать творчество. Свобода не обусловлена предшествующими причинами, по сути, она есть «ничто» [6, с.130]. Свобода и творчество — две неизъяснимых тайны. Свобода не подчиняется царству закономерностей и необходимости. Не подчиняется произволу и случаю. «Свобода — безосновная основа бытия, она глубже всякого бытия. Нельзя дойти до рационально осязаемого дна свободы» [6, с.131]. Природное бытие порождает детерминизм, в том числе, и в человеке. Но человек не только природное духовное и физическое существо, но и микрокосм — сверхприродное существо. Свобода — есть творчество из «бездонного источника» [6, с.132.], прирастающая энергия, а не убывающая.

Некоторые понимают свободу, как произвол. Свобода «от» — без цели, содержания — отрицательная свобода, ничто, пустота. Свобода, наполненная творческой целью, духовным содержанием — свобода «для», божественная свобода. Необходимость, как ни странно, есть тоже форма свободы. Но истинная свобода не есть осознанная необходимость. Если обратить взгляд в космос, я так понимаю, у Бердяева космос — это не та вселенная, что материально находится за атмосферой земли, а трансцендентный мир, существующий параллельно с грубо-материальным — в нём нет принуждения, тяжести, давления, там всё живо. Индивидуалист же старается отгородить себя от мира, от космоса, чтобы в угоду своим интересам не ощущать связи всего со всем. Всякое зло — есть привязанность к тяжести «мира», к его страстям. Но если человек, обладающий демонической энергией, совершает подлинно творческий акт, этот акт есть самооткровение, самоценность, не подлежащая внешнему суду. Красота — переход из «мира сего» в космос. Эстетика Бердяева во многом перекликается с эстетикой символизма. А его рассуждения о красоте заставляют вспомнить «Гимн красоте» Шарля Бодлера:

...Ты бог или Сатана? Ты ангел иль Сирена?

Не всё ль равно: лишь ты, царица Красота,

Освобождаешь мир от тягостного плена,

Шлешь благовония и звуки и цвета! [10, с.92]

В книге «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» Бердяев, как и Кант, размышляет о дуализме свободы и необходимости. Пишет о духе человеческом. Что он в плену «мира сего». Мир, заключённый в кавычки, мир мировой необходимости, призрачная, разобщённая мировая данность, которая не есть настоящий космос... Мир, подчинение которому способно породить грех. И у человека есть истинный путь — освобождение духа из плена необходимости, свобода от реакций и конформизма по отношению к этому «миру». Путь духовного созерцания, духовной собранности, сосредоточенности. Освобождение от рабства заданной необходимости и преодоление оторванности от подлинного мира, где человек- микрокосм — есть творческий акт. Человек должен помочь сам себе, если дерзнёт раскрыть в себе силы Бога и подлинного мира, освобождаясь от подавленности призрачного «мира». И не нужно пессимизма, скептицизма и сомнений в творческой силе человека. «Последняя тайна Божья» — рождение в Боге человека» [6, с.23]. Хотя, как философ пишет в «Философии свободы», «... нельзя доказать Бога, можно только изойти от Бога, изначально открыть Бога в себе. Но для этого нужен подвиг освобождения от помрачения – некая мистическая активность». [7, с.76] Творческий акт — есть мистический акт, идущий изнутри человеческой души. Всё внешнее, предметное символизируется в глубине человеческого духа. И выходит наружу в преображённом состоянии.

Бердяев рассуждает о философии, которая, как он считает, всегда была искусством познания, свободным творческим актом и, в тоже время, попадала в рабскую зависимость научности. А ведь ощущение мира, как ценности, ощущение смысла всего, что происходит, лежит уже вне сферы науки, «... это творческий акт, а не приспособление к необходимости. [6, с

39] Истина пассивного интеллекта, признающего безнадёжную мировую необходимость, есть выражение духовной подавленности и зависимости. Истина открывается в творческой активности. «Истина есть осмысливание и освобождение бытия...» [6, с.43] Вселенская истина — в творческой интуиции, философия должна стать творческой. Я так понимаю, она должна стать более правополушарной, образной и более коммуникативной по стилю. Действительно, многие философы писали так, что их философия была «...оторвана и отвлечена от глубочайших источников бытия, от жизненно- религиозных соков, которые находит философствующий человек в своём микрокосме. Философия требует свободного доступа к этим живым, непосредственным бытийственным источникам...» [6, с.51] . Бывает, что философские труды написаны в таком стиле, что не то, что простой, но и образованный человек не в состоянии переварить плоды их трудов. Я считаю, такими творческими и стилистическими качествами должны обладать не только философские сочинения, но и, насколько это не мешает научной картине, серьёзные исследования. Современный психофизиолог Вадим Ротенберг пишет свои книги и статьи, обладающие безусловно высокой научной ценностью, сдабривая их своими стихами, случаями из своей практики и жизни. В тоже время, его сочинения научно выверены, точны по мысли. Современному автору, даже научному работнику, желательно выразить в своих сочинениях не только мысль, но и самого себя в достаточно доступной форме. Ведь эмоциональное общение, коммуникация между авторами и читателями — важная вещь.

Представляется, любое познание и деятельность, оторванная от живого бытия, может превратиться в рабство, оправдываемое мыслями о долге или необходимостью сделать что-либо, во что бы то ни стало. Например, мне, как художнику, заказали портрет по фото. Познавать, изображать человека, его характер, его душу по фото сложнее, чем с натуры. Хотя есть любители и такого левополушарного рисования, не связанного с живым познанием, а лишь предполагающего результат. Живое общение даёт массу живых черт,

живых эмоций, вплоть до философского ощущения жизни как таковой в процессе рисования. Это и есть познание бытия, о котором пишет Бердяев.

И насколько велика ответственность человека, являющегося микрокосмом: человек, имеющий внутри религиозное сознание, живет, духотворит природу своей творческой свободой и сковывает её своим рабством, падением в материальную необходимость. Художница, выражающая на холсте балетную пластику, стремление древесных ветвей, вносит в древесную оболочку свои чувства, одухотворяя изображаемое дерево. Мальчишки, избившие палками во дворе необыкновенно красивые листья лопухов. Не заметившие этой красоты, имевшие в головах только левополушарную схему «лопух — это сорняк». Прагматически оправдывающие, по сути, агрессивно-неосознанный поступок поиском какой-то батарейки. Которая даже если нужна, не стоит жизни даже одного живого листа. Но это ещё «мелочь на фоне двора» по сравнению с целенаправленным глобальным, механистическим уничтожением природы человеком в масштабе планеты. Человек пал омертвив и механизировав природу прежде всего в своём сознании, подчинив её своим нуждам и потребностям. Конечно, ничего плохого нет, например, в том, что силы природы дают человеку электричество, газ, что построены водопроводы. Но само отношение человека к природе, потребительское и часто хамское. Часто человек слепо с таким же обесцениванием относится к себе и другим, живущим на земле существам и растениям. Многое, что окружает современного человека, представляется ему мёртвым, не одухотворённым, вовсе не творением Божьим, а препятствием на пути к человеческим целям или просто бесцельной вещью без смысла. Но вещи в природе – камни, водопады, облака, деревья, состоят из молекул, ведущих хоровод:

... И торжество, молекул хоровод
Играет незаметно в каждой вещи,
В засохшем клёне, что который год
Считается поникшим и умершим,

В мечтах, что позабыли адреса,
В жемчужинах несбывшихся желаний,
О, радость - ты везде! И ликование,
И красота, плывущая в глаза! [50, с.7]

Вот в чём мистический творческий акт, который может совершить человек — очеловечить, освободить, оживить, одухотворить природу, как бы, расколдовать её! Но неужели субъективные мистические силы человека настолько велики, чтобы, например, как пишет Бердяев, «...вернуть камню его душу, раскрыть живое существо камня...»? [6, с.68] Получается оживление, одухотворение или же омертвление природы проходит через внутренний мир человека, а каковы вещи без субъективного пропускания их через свой внутренний мир, мы не знаем. Да, Кант прав, «вещи в себе» непознаваемы. Однако, через наблюдение за предметами мира, пропуская их через свой внутренний мир, человек познаёт себя. И всё же, каким-то странным образом познаёт эти «вещи в себе», сам не осознавая того. Наверное, потому что все «вещи в себе» как-то связаны, а человек тоже «вещь в себе». Предположим, что Бердяев по своей страстной натуре, написал строки об оживлении мира человеком в переносном смысле. Но и тогда они остаются прекрасным знаменем изменения, совершенствования человеческой души. И воспитание подрастающего поколения — важная вещь. Книгу для детей «Живые сказки» [51, с. 4] я написала именно по этой причине и для себя и для детей. Мне хотелось оживить мир вокруг. Чтобы всё в мире общалось друг с другом. И живые предметы и не живые. В таком мире интереснее жить, в симпатичном, живом мире не страшно жить и людям, воспитанным на таких сказках, наверное, не захотелось бы воевать. (Приложение 1)

По Бердяеву, человеческая душа способна быть царственной, свободной, полновластной и возвышенной, уйдя от грубой духовной

низости. «Дух дышит, где хочет, жизнь в духе есть свободная и творческая» [6, с. 91] Бердяев предчувствует наступление новой «...творческой религиозной эпохи» [6, с.109] в которой творческий акт будет создавать не ценности культуры, а новое бытие, в котором не будет умирать жизнь. Романтизм, по его мнению, ближе к новой эпохе, чем классицизм.

Но если творчество — акт, участвующий в самом бытии, творящий его, тогда субъект, например, художник, может входить в объект, не просто изображая его внешне, но и ощущая себя в объекте, объектом. Рисуя портрет, художник входит в состояние портретируемого, его настроение, образ. Эта сторона творческого состояния входит в противоречие с культурой — культура всё же предполагает разрыв субъекта и объекта. Но на самом деле, культура должна претвориться в бытие. Я так понимаю — стать более живой, динамичной.

Настоящая любовь, в отличие от семейно устройства и разврата, отрекается от «мирского благоустройства» [6, с.189], стяжает свободу.

Творческое развитие предполагает «...свободу, как основу необходимости, и личность — как основу всякого бытия».[6, с.127] Само познание — есть бытие.

Ни один философ в мире так тонко, с таким вниманием и верой не относился к человеческому духу. Бердяев отдаёт должное Ницше — Ницше почувствовал творческое призвание человека. Но сверхчеловек Ницше побеждает человека и гуманизм.

Недавно, идя по улице, я беседовала с одним знакомым. Прохожие, обгоняли нас. Знакомый указал на них: «Сколько поколений сменяются и никто толком не осознаёт, что всё течёт и исчезает, появляются похожие люди, но уже не те». — «Если бы люди осознавали, что всё текуче, мир течет, всё появляется и исчезает, они стали бы более искренни и свободны! Научились бы различать важные и неважные цели».

2.3. Михаил Веллер о свободе

Современный русский писатель и мыслитель, член Российского философского общества, Михаил Веллер в своей книге «Всё о жизни» выдвинул оригинальную теорию смысла существования человека во вселенной. Человека отличает от других живых существ избыточная энергетика, расходуемая и на благие и на опасные дела. Человек преобразует и выделяет энергии больше, чем нужно для его физического существования. Человек «с точки зрения эволюции вселенной «идеальный» энергопреобразователь, способный выделять энергию из окружающей неживой, материи». [13, с.742] Этого выделения энергии будет достаточно, чтоб уничтожить нашу старую вселенную и создать новую вселенную. Доверительно обращаясь к читателю на «ты», Веллер убеждает его, что главное, на что настроена человеческая психика «перечувствовать и переделать в жизни самое большое, на что ты способен» [13, с. 419] это предельная самореализация и предельное самоутверждение, а в конечном итоге — максимальное преобразование мира.

В практике дошкольного воспитания практикуется игра-упражнение: выбрать понравившийся предмет в комнате и попытаться увидеть, в каком он «настроении», что он «говорит», как относится к окружающим предметам и как они к нему, что он может сказать своим неживым «друзьям»? Потребность в мысленном преобразовании неживого в живое, в антропоморфном, как бы оживляющем предметы, мышлении имеется уже в детском возрасте. В полной мере оно раскрывается в метафоричности поэзии, где оживающие образы играют важную роль в восприятии произведения. Например, у Есенина: «Проплясал, проплакал дождь весенний, замерла гроза...» [25] В устах молодой поэтессы Людмилы Успенской метафора «горло судьбы» усиливает эмоциональный накал строчек: «Я кусками свободу из горла судьбы вырываю...» [60, с.23].

Веллер характеризует свободу как «возможность выбора по своему хотению». Выбор, ограниченный законами природы, всей предыдущей

жизнью индивида и предполагающий его личную ответственность. Этот выбор, это «свободное» хотение — в кавычках — зависит от того, как личность взаимодействовала в прошлом и взаимодействует в настоящем со всем миром. Однако, часто человек не осознаёт властвующую над ним необходимость, ему кажется, что через свои осознаваемые и неосознанные желания он проявляет своё свободное хотение. Да, человек свободен выбирать, но свобода выбора всё же зависит от инстинкта жизни и избыточной энергетике. Здесь можно вспомнить Эрос и Танатос Фрейда. А если, к примеру, самоубийца хочет покончить с собой? Является ли его решение «детищем свободы» или результатом несвободы, обусловленным негативным стечением обстоятельств и психологической реакцией на них? По Веллеру это, как и другие действия людей, «свобода мыслящих капель» [13, с. 419], стекающих по стеклу разными путями. Если предположить, что капли могут, как и люди, хотеть и что у них есть разум, но они стекают, увлекаемые законом тяготения, хоть и корректируют свои пути разумом. Символом силы закона тяготения может быть любой фактор — общественный строй, сочетание звёзд во вселенной, и.т.д. Получается, человек почти не свободен. Даже отдавшись случаю и делая то, что ему нравится, но считает себя свободным, когда осознаёт, что имеет в данной ситуации максимум возможностей и свободной энергии для максимального её преобразования. Если учесть, что сущность человека по Веллеру именно в максимальном преобразовании энергии, то человек субъективно ощущает себя свободным тогда, когда соответствует своей сути и назначению. Но не навязано ли это предназначение кем-то или чем-то свыше? Или человеком самому себе? Тогда свобода человека лишь субъективно осознаваемая эмоция. Чем сильнее человеческое желание, тем меньше свобода. Возможность выбора между двумя желаниями, альтернативами может сделать из него Буриданова осла. Человек мучается амбивалентностью, воспринимая её больше как несвободу, нежели как свободу. Но, проявив поэтическое трансцендентное качество, став как бы, над собой и наблюдая

за собой, человек может осознать своё парадоксальное положение и состояние. В таком осознании многозначного контекста мира, его парадоксальности облегчается высшее познание человеком мира и самого себя.

2.4 Эрих Фромм: свобода и ответственность

Эрих Фромм — крупнейший представитель психоаналитической философии, в освещении некоторых вопросов и в общем круге затрагиваемых тем обнаруживает близость идеям экзистенциализма. В частности, это проявляется в его интересе к характерной для экзистенциализма теме свободы.

В книге «Бегство от свободы», выдержавшей 25 изданий, но не ставшей от это менее актуальной, Фромм ставит вопрос: отчего человек в современном обществе, осознавший и ощутивший себя индивидуальностью, а значит, потенциально приобретший возможность проявления внутренней свободы, реализации личностных устремлений, независимости, часто испытывает бессилие от одиночества, тревогу.

В средние века было много невежества, предрассудков, происходила эксплуатация меньшинства большинством, инквизиция уничтожала инакомыслящих. Человек должен был соответствовать раз и навсегда даденной ему социальной роли. Он не мог переместиться по социальной лестнице, а часто и переехать из одной страны в другую, из одного города в другой. Он должен был оставаться там, где родился. Ремесленники работали в цехах, где у каждого мастера был один или два подмастерья и конкуренции между цехами не было. Ценилась солидарность, прямота человеческих отношений. В понятии современной свободы, человек был несвободен, так как личная, экономическая и общественная жизнь регламентировалась правилами, обязанностями, которые распространялись на все сферы жизни и деятельности человека и личность отождествлялась с

ролью человека в обществе. И, хотя человек часто не мог поступать по своему выбору, а только в рамках порядка, установленного средневековым обществом, принадлежность к этому обществу давала ему ощущение некоторой безопасности, создавая определённое регрессивное состояние. Видя себя через призму общественной роли, человек не ощущал себя индивидуумом, но ощущал себя членом группы, воспринимающей, например, пришельцев из другой деревни чужаками. Средневековые люди обретали чувство уверенности и убеждённости, что в социальной жизни у них уже всё предрешиено и что смыслом жизни является спасение души. Даже после смерти всё было ясно: душу ожидал либо рай, либо ад.

Падение средневековых феодальных устоев, развитие капитализма создало базу для развития индивидуальности, познания самого себя. Но осознав себя индивидуумом, как замечает Фромм, осознал свою отдалённость от мира, природы и других существ. Оставшись один на один с чуждым ему миром и обществом, индивид ощущает свою изоляцию, страх перед внешним миром, сомнения в своей состоятельности, неуверенность. Открывшуюся перед ним свободу он начинает воспринимать, как негативную, вместо неё ощущая лишь внутреннюю несвободу. Человек становится узником своего разума, эмоций, мыслей. Как бы в подтверждение его иррациональным страхам, которые действительно опутывают сознание, его свобода, скрывшая себя, вкупе с нарастающей избыточной внутренней энергетикой постепенно может стать реально опасной. Она может привести к депрессии, искажённому, негативному мировосприятию, или, в худших случаях, к суициду.

Человек мечтает сбросить «путы негативной свободы» [68, с. 316], спасаясь от внутреннего конфликта, невыносимости внутреннего положения, вынужден выбирать. Либо стать конформистом и впасть в зависимость от окружающих его групп, людей, бежать от бремени свободы и искать укрытия под тенью новой зависимости, нового подчинения» [68, с. 7], что, как кажется на первый взгляд, вовсе не идентично естественной

зависимости и подчинению маленького ребёнка своим родителям. Либо реализовывать позитивную свободу. Фромм даёт надежду современному человеку. Человек «может быть свободен, но не изолирован, критичен, но не подвержен сомнениям, независим, но неразрывно связан с остальным человечеством» [68, с. 317]. И, конечно, имеются пути реализации этого.

Прежде всего, это реализация собственной личности. Не только проявления мыслительной активности разума, но и развитие, реализация эмоционального потенциала. Самореализация личности станет истинной, достигнет цели только в той мере, в которой личность проявляет спонтанную активность. Спонтанная активность всей личности индивидуума — основа позитивной свободы. Фромм считает, что это «единственный реально существующий способ, благодаря которому человек может преодолеть чувство страха перед одиночеством, не разрушая при этом целостность личности». [68, с. 320] Это происходит потому, что спонтанная активность, направленная на реализацию внутреннего потенциала помогает человеку вновь объединиться со всем миром, людьми с природой. «При любой деятельности, в которой присутствует налёт спонтанности, человек соединяется с миром». [68, с. 321] Вот какое чудо может произвести, казалось бы, небольшая коррекция мысленных установок, и поведения в реальности плюс внимание к собственным чувствам и анализ впечатлений. Спонтанная активность есть свободная деятельность личности, не навязанная человеку под различными общественными «соусами», не принудительная деятельность, подстёгиваемая ощущением собственного бессилия, чувством одиночества. Это не деятельность, основанная на бездумном автоматизме. Мысли, поступки, чувства — есть плод деятельности личности, в них нет механистического автоматизма. Это не просто «делание чего-нибудь» [68, с. 318], не занятие пустой суетой с целью уйти от наболевших проблем. Спонтанная активность — это, прежде всего, реализация творческих

способностей не только в интеллектуальной, но и в эмоционально-чувственной сфере.

Волевые устремления личности играют большую роль. Однако вовсе не нужно стремиться подавить какую-то существенную внутреннюю часть самого себя, даже если разум придумывает для этого какие-либо рационализации. Нужно принимать, любить себя, признавать целостность всех сфер своей жизни. Такой образ мыслей, чувств и поведения может привести человека к подлинному счастью — а это то, о чём мечтали люди во все времена. «Индивидуальность задыхается всегда, где нет универсальной духовной шири» — писал Бердяев [6, с.140]. Это означает любовь ко всему миру, осознание его целостности, всеобщей связи, осознание себя необходимой частью вселенной. Такая установка поможет человеку, уставшему от разобщённости, вражды, страха, сохранить внутреннюю гармонию и развивать свободу.

В качестве путей реализации спонтанной активности личности Э. Фромм выделяет добровольную и равноправную любовь, труд, служащий объединению человека с природой, деятельность, в которой важен не конечный результат, а сам процесс.

Фромм в качестве примера непосредственного, спонтанного поведения приводит поведение и образ мыслей детей. Дети мыслят, ведут себя по-своему, не боятся выразить себя. Не эта ли потребность в спонтанности, непосредственности заставляет некоторых современных художников использовать примитивистские приёмы, словно подстраиваясь под детское мировосприятие? Художница-керамист Людмила Капитонова, у которой в апреле 2019 года в орловском Краеведческом музее состоялось открытие выставки, имеет непосредственный, подобный детскому, взгляд на мир, смелость именно своего взгляда, не навязанного никем. На её работах предметы, дома, словно оживают. Живые линии создают движение. На рисунках знакомые многим места предстают необычными, декоративно-иллюстративными. С добрым юмором, игрой. Но не пустой игрой, чем

грешат многие «произведения» постмодерна. Эта игра в любви ко всему, что она изображает. В этой игре художница учит зрителей свободе. (Приложение 2, рис 1, 2)

Многие художники и писатели, особенно на фоне экономического кризиса 90-х годов шли и идут до сих пор на компромисс с субъективным ощущением негативной свободы. Испытывая негативные чувства, пытаются изобразить их на бумаге и холстах с целью освободиться от давящего ощущения. Получается наоборот, пестование негатива. Выплёскивают на холст или бумагу негативные эмоции, не пытаюсь найти психологический выход из сложившейся ситуации. В результате, тревога и общая их жизненная ситуация не изменяется, а зритель, хорошо, если равнодушный, получает кучу неприятных эмоций и думает, что это настоящее искусство. А это только начало, кусочек искусства. Не реализуется бердяевская мечта воздействия искусства на жизнь, хотя в данном случае, искусство отображает какую-то часть реальной жизни художника, это жалоба Богу без внутренней работы над собой и своими эмоциями. Но где миссия творческого человека, способного изменять своё отношение к миру и отношение людей к важным проблемам, задачам, качествам мира, мирового порядка? «Если изображаешь отрицательное, нужно искать психологический внутренний выход на холсте, оазис, прорыв к свободе» — приблизительно такое мне сказал однажды верующий знакомый, художник, и это стало для меня откровением.

В свете прочитанного у Э.Фромма возникают ассоциации с идеями психофизиолога В.С. Ротенберга — создателя (в сотрудничестве с латвийским психофизиологом В.Аршавским) концепции поисковой активности. Поисковая активность — это активное поведение в условиях неопределённости, когда нет возможности точно прогнозировать результат этой активности. Однако человек на каждом промежуточном этапе своей деятельности в состоянии адекватно оценить каждый промежуточный результат активности и соответственно корректировать своё поведение.

Поисковая активность проявляется не только в делах, но и в планировании, прогнозировании, фантазировании. А главное — в творчестве. Н.Бердяев, когда писал о смысле творчества, не знал термина поисковой активности, но ощущал огромный потенциал и освобождающую роль творчества для человека. Поисковая активность – это поиск нового, неизведанного, необычного. Независимо от знака эмоций, она повышает резистентность организма к вредным факторам, улучшает или сохраняет здоровье индивида. Но те, кому легче не искать, жить по стереотипам, по которым можно предугадать каждый шаг обычно считают новое потенциально опасным. А это и есть та несвобода, внутреннее закрепощение при, казалось бы, открытой внешней возможности взаимодействия с миром. В ситуации, не удовлетворяющей человека, отказ от поиска может быть опасен для организма, провоцировать неврозы и даже психосоматические заболевания с вполне реальными физическими симптомами. Мало того, если потребность в поиске велика, а поисковой активности нет, она может привести к злобным эмоциям, а, как следствие, к «размыванию моральных ценностей». [46, с.32] Ощущение ситуации как внутренне конфликтной, тупиковой может способствовать отказу от поиска, впрочем, как и другие факторы, например, неразвитая или подавленная потребность в поисковой активности, негативный прошлый опыт. Психотерапия, направленная на внутреннее освобождение личности должна помочь увидеть новые стороны ситуации, расширить и углубить восприятие богатого мира человеческих чувств и отношений, тем самым снизив значимость неразрешённого конфликта, увидеть и понять окружающих и отношения с ними во всей многозначности. Этому способствует отход от схематизма левополушарного мировосприятия, развитие правополушарной активности, а, следовательно, укрепление образа «Я», который отвечает за механизмы психологической защиты и адаптации, регулирует поведение. Для поискового поведения важна высокая самооценка. «В процессе любого творчества, художественного или научного, отдельные неудачи неизбежны.

Человек с высокой самооценкой извлекает из этих неудач уроки и ищет другие пути».[46, с.22]

Мир культуры, включающий книги, фильмы, спектакли, семейные легенды связан с образом «Я», а значит, влияет на то, «быть или не быть реакции капитуляции» [47,с 176] Это о положительном в культуре. Но может ли культура влиять на отказ от поиска? Бывает и так, неподходящая культурная среда, например, глубоко провинциальная, мещанская может не дать раскрыться таланту, сломать не только талант, но и судьбу.

Однако, психологи В.Франкл и Б.Беттельхейм, бывшие в концлагере и воочию наблюдавшие за узниками, отметили, что наиболее устойчивыми оказались те, кто совершал необязательные поступки: делал гимнастику, умывался, следил за одеждой, помогал другим. Думается, что это именно та «спонтанная деятельность» [68, с.320], ведущая к позитивной свободе, о которой писал Фромм в «Бегстве от свободы».

Имеются психотерапевтические школы и философские учения, которые парадоксально требуют для достижения душевного равновесия отказаться от какого-либо поиска. Например, даосские мыслители, исходили из того, что смысл и цель человеческой жизни заключается в возвращении к перводанной полноте бытия, гармонии, поиску познания своей духовной сущности и связи этой сущности с мирозданием. В понятии Дао воплощалась глубинная связь человека с природным бытием. Посредством созерцательности, отшельничества, недеяния считалось возможным достичь духовного прозрения:

Пустоту в своём сердце сделаю абсолютной

Через что буду пребывать в полном покое.

Все вещи вокруг меня в постоянном развитии,

А я лишь созерцаю и жду возвращения к истоку.

Всё возвращается к своему истоку — в этом покой.

В покое же - обретение новой жизни

И через обретение это проявляется вечность.

Познавший вечность — просветлён...[17]

В.Ротенберг напоминает: действие отличается от деятельности, хотя и то и другое требует проявления поиска. Деятельность это упорядоченный, запрограммированный, целенаправленный процесс, имеющий строгие предпосылки в прошлом и ориентированный на определенные результаты в будущем. Действие же — спонтанно, гибко, свободно формируется, не сковано прошлым опытом и далеко идущими планами. Действие обходится без механизма вероятностного прогноза. Этот механизм присущий деятельности, ответственен за создание предшествующей опыту модели реальности. Но может ли случиться так: человек, обнаружив, что его непосредственные впечатления не соответствуют этой модели, может неправильно или не во всём многозначном контексте понять происходящее с ним в реальности и от того получить фрустрацию? А, получив фрустрацию, впасть в депрессию и отказаться от поиска... Значит, философия созерцания, недеяния, как бы, остановки действия действует против той активности, которая происходит в невротической тревоге, ведёт к тупиковому пути повышенной энергетике на пустом месте, когда человек бьётся головой об стенку, пытаясь во что бы то ни стало найти выход и не находит его. Созерцательность убирает невротическую тревогу. Временный отказ от мотивов, притязаний, надежд в пользу созерцательности, медитации действует успокоительно на центральную нервную систему, регулируя и устраняя избыточную энергетiku. И может стать в конечном итоге условием спонтанной, свободной активности, максимальной творческой реализации личности.

ГЛАВА 3. ОБРАЗ И ПОНИМАНИЕ СВОБОДЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX – XXI ВВ.

3.1 Выражение свободы в жизни и произведениях А. П. Чехова

Произведения классика русской литературы, Антона Павловича Чехова, написанные прозой, в то же время по точности языка, а иногда, по настрою, приближаются к поэзии. Как в хорошей поэзии мы практически не находим у Чехова риторических рассуждений, его точка зрения часто завуалирована, а оценки читатель должен расставить сам. Поэтому выделение авторской позиции и «концептуальной подоплеки» в его произведениях представляет собой достаточно сложную задачу.

Чеховская проза точна, лаконична и, в то же время, нежна, акварельна, смягчена мягким юмором и эстетическими деталями. В ней точность, краткость, мысль. В своих рассказах Чехов нашёл новые художественные формы, выявляющие психологические проблемы, идеи, характеры, чувства его современников. И, надо сказать, этот тонкий художественный анализ в его произведениях актуален до сих пор. Жизнь в 21 веке другая, но у людей похожие внутренние конфликты, комплексы, то же стремление к высоким ценностям, к красоте, несмотря на игровую, почти морально нивелированную специфику времени постмодерна.

Проводя герменевтический анализ чеховских произведений необходимо применить принцип зависимости понимания от знания внутренней и внешней жизни автора. Для того, чтоб лучше понять произведения А.Чехова, нужно знать его, как человека, вспомнить некоторые черты его биографии. Родился он в Таганроге — уездном, глухом в ту пору, городе. Раннее детство Антона протекало в бесконечных церковных праздниках и именинах. В будние дни после школы он и его братья сторожили лавку отца, а в 5 часов утра каждый день вставали петь в

церковном хоре. Если бы не было церковного хора, спевок, не было бы рассказов «Святой ночью», «Студент», «Архиерей». Сидение в лавке, дало мальчику ранее знание людей, сделало взрослей, т.к. лавке его отца была клубом таганрогских обывателей, окрестных мужиков и монахов. Музыка и книги пробуждали в юном Чехове стремление к творчеству. Большую роль в этом сыграл таганрогский театр, в котором впервые Антон побывал в 13 лет; посмотрел оперетту Жака Оффенбаха «Прекрасная Елена» и вскоре стал страстным поклонником сценического искусства. Не случайно герои его первых произведений, таких как «Трагик», «Комик», «Бенефис», «Недаром курица пела», были актёрами и актрисами. С шестнадцати лет Антон сам зарабатывал себе на жизнь, затем в Москве, ещё студентом, имел дело с прессой. Печатал свои юмористические сочинения в журналах «Стрекоза», «Будильник», «Зритель» и др. Такое писание научило его маленькому рассказу. Помогла узнать мир и людей профессия врача: чуть ли не с первых курсов он стал работать в земских больницах. Чехов говорил Ивану Бунину, что благодаря работе врача, область его наблюдений расширилась, обогатила его знаниями. 1885-1886 годы — период расцвета Чехова как «беллетриста-миниатюриста» — автора коротких, в основном юмористических рассказов. В то время, по его собственному признанию, он писал по рассказу в день. Однако вскоре его рассказы становились всё длиннее и серьёзнее. О важных изменениях, происходивших тогда с Чеховым, говорит ещё и появившееся желание путешествовать. После выхода «Степи» и «Скучной истории» внимание критики и читателей было приковано к каждому его новому произведению. В конце 1880-х годов в манере Чехова появилась особенность, которую одни современники считали преимуществом, другие недостатком — бесстрастность описания, отсутствие авторской оценки. Особенно этой чертой выделяются рассказы «Воры», «Спать хочется», «Бабы» и «Княгиня». А.С.Пушкин считал, что драматический поэт должен быть беспристрастным, как судьба. Это верно в пределах целого произведения. Пока же тянется действие, он пристрастен к

каждому шагу и печётся одновременно, то об одной, то о другой стороне. Мне, автору этой курсовой, сдаётся, что Чехов в своей прозе с успехом воспользовался подобным приёмом. «Деперсонализация... Освобождение от эмоций автора...» — сказал бы, наверное, Томас Элиот, тоже обращавший подобное своё высказывание к поэзии. И всё это для того, чтобы посмотреть на, казалось бы, обывательский конфликт, драму с высоты, дать читателю возможность задуматься, сделать выбор, подняться над описываемой ситуацией и ощутить нечто высшее, стоящее за ней. Как тут не вспомнить человека, по мысли Бердяева в творческом порыве достигшего состояния трансцендентности, преодолевшего низменный «мир» несвободы и необходимости, ощутившего себя микрокосмом. И всё же, во многих случаях, авторская позиция прорывается, вырывается из текста. Карикатурное описание батюшки, жадно уплетавшего рыжики на похоронах, где ему прислуживает убийца ребёнка — «В овраге», вызывает ощущение чего-то ненормального, чего в хорошей жизни не должно быть. Однако можно заметить, что это ощущение без душевной зоркости читателя могло быть пропущено. Чехов считал, что читатели должны сами внести элемент субъективного чувства в объективное изображение людей и событий. «Художник должен быть не судьёю своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем», — уточнял в 1888 году свою позицию А.Чехов в письме к издателю А.Суворину [75]. Читателей он называл «присяжными», которые и должны дать оценку действиям персонажей. Главное же для писателя — уметь отличать важное от неважного, освещать фигуры и говорить их языком.

В произведениях Чехова отразилась тоска по высшему смыслу жизни, мятущееся беспокойство русской души. Чехов считал, что человеку необходимо иметь высшие ближайшие и отдалённые цели. Разрушение иллюзий в современной действительности нуждается в поиске элементов, опираясь на которые можно построить философию надежды. Философию

самой жизни, свободную от моральной принудительности, долженствования, вырабатываемую личностью самостоятельно.

Один из ориентиров этого поиска — природа. Красота, наполненная глубоким, сложным содержанием, вторгается в нищенскую, обывательскую, жестокую жизнь. Для Чехова всё сущее достойно внимания — и живое и неживое. Он много внимания уделяет эпизодам, полным значения, проявления жизни. Описание природы складывается в образы, имеющие антропологическую подоплёку. В рассказе «Страх» — динамика, движение облаков: одного большого, другого поменьше, бегущих друг за дружкой, словно мать и дитя. Ключья тумана, белые, как молоко, бродящие над рекой, цепляющиеся за ивы.

Движение мысли от целого к части и от частей к целому, углубляет понимание смысла текста. Поэтому, анализируя творчество Чехова, я обращаю внимание не только на темы, понятия, проблемы, затронутые писателем, но и на детали. Чеховские образы метки, свежи, не натужны. Каждый образ призван служить общей идее рассказа — самодовлеющих образов нет. Отсюда такая музыкальная цельность произведений. В них множество антропоморфизмов — это когда неживая природа представляется одушевлённой, уподобляется человеку: море дышит, небо глядит, степь нежится...

В рассказе «Степь» описание степи напоминает описание вечно изменяющихся состояний человека. Степь, словно живое существо, ненавязчиво, эмоционально взаимодействует с людьми, едущими по ней. Надежда, подобная надежде на духовное возрождение человека, в описании поникшей степи: «Сжатая рожь, бурьян, молочай, дикая конопля — всё, побуревшее от зноя, рыжее и полумёртвое, теперь омытое росой и обласканное солнцем, оживало, чтоб вновь зацвести.»[74, т.2, с.91] И хотя, спустя некоторое время, обманутая степь приняла свой унылый вид, читатель ощущает, что степь дышит, живёт, изменяется. Возникает ощущение единства всего сущего, живости всего земного, эстетического

наслаждения миром. А до чего живо, антропоморфично описано серое, кудрявое облако, выглянувшее из-за холмов, переглянувшееся со степью и нахмурившееся! В «Степи» много непривычных, свежих сравнений, образов — в этой вещи Чехов особенно напряжённо искал новые формы.

Липа, главная героиня рассказа «В овраге», у которой погиб её единственный сын, выйдя из больницы к пруду, наблюдала явления природы, созвучные своим мыслям, эмоциональному состоянию. Одиноким месяц, которому всё равно — весна теперь или зима, живы люди или мертвы... И, контрастом к нему — крик таинственной выпи, соловьёв, кукушки, лягушек, которые пели, чтобы все «... дорожили и наслаждались каждой минутой: ведь жизнь даётся только один раз!»

Глубокая прочувзованность темы свободы, столь привлекательная в произведениях Чехова, объясняется его личным экзистенциальным опытом внутренней борьбы за нее. Антон Павлович пережил состояние внутреннего рабства и вышел из него. Уже в конце 80-х он с иронией относится к качествам почтительности и подобострастности, которые заметил в себе — юноше. «Нужна возмужалость — это раз; во-вторых, необходимо чувство личной свободы», — пишет он в письме к Суворину. [76] Писатель, критик, историк литературы и театра Абрам Дерман, исследуя творчество Чехова, считал бесспорно установленным фактом, что тот долгое время находился в плену рабских чувств и рабского сознания. Чехов сам написал об этом и включил в полосу рабства годы, когда он был лавочником, певчим, гимназистом и часть студенческих лет. Начал же «выдавливаться из себя по каплям раба» начиная с 1883 и далее, и вышел победителем.

Чувство независимости, гордость без примеси надменности, уважение к чужому достоинству, простота, прямота, правдивость — вот качества, которые он старался воспитывать в себе и уважал в других. Борьба с ложью, пошлостью, косностью, тупым насилием авторитета отобразилась во многих его произведениях. Мотив ценности человеческого достоинства, протест против его самоунижения и унижения этого достоинства другими

авторитетными, властными людьми, в полную силу звучит уже в раннем рассказе «За яблочки» — 1880 года. Это не просто протест против телесных наказаний, которое, по сути, в рассказе не свершилось. Писатель наблюдает за психологической реакцией людей, задействованных в противоестественной для них ситуации. Парень Григорий сорвал барское яблоко, угостив девушку, и его обвинили в воровстве. Воров обычно запирали в погреб или секли крапивой. Помещик решил позабавиться, натравил молодых влюблённых друг на друга, чтобы побили друг друга в качестве наказания: девушка парня — за сорванное яблоко, а парень её — в ответ. А они, вначале отказавшись, всё же поколотили друг друга и даже увлеклись этим. После такой психологической экзекуции со стороны яблочного собственника, молодые расстались и, наверное, свадьбы у них не было. Эрих Фромм в книге «Душа человека» пишет, что за стремлениями унижить человека, отнять у него свободу стоит готовность убивать. Скорее всего, неосознанная и скрытая. Мне лично такая история напоминает издевательства над людьми в концлагере, только в более лёгкой форме. Но почему молодые люди позволили кому-то расстроить свою личную жизнь? Девушка, которую, заметьте, автор сначала называет Дульсинеей, потом Дусей, затем просто обезличено: девкой, поначалу отказывается ударить своего кавалера. Но, ударив, надеялась ли она спасти его от более жёсткого телесного наказания? Здесь хочется провести параллель с рассказом «Муму» И. С. Тургенева. Почему Герасим, мучимый нажимом посланных от барыни людей, ушёл в деревню после того, как утопил любимую собаку? Разве нельзя было взять её с собой в деревню живой? Что это за общественный нажим, авторитет, заставляющий людей поступать не так, как велит им любовь к близким, а наоборот?

Традиционно рассказ Чехова «Человек в футляре» трактуется как сатира, направленная против рабов и трусов. Чеховское описание образа Беликова, который даже в хорошую погоду выходил в калошах, лицо прятал в воротник, носил тёмные очки, уши закрывал ватой проникнуто иронией.

Но нельзя однозначно утверждать, что здесь имеется открыто выраженная оценочная позиция автора. Описание даётся от лица рассказчика — учителя Буркина, который осмеивает и осуждает бывшего сослуживца. Однако особая сочувственная интонация, создаваемая речевым строем, ритмом описания (например, повтор и варьирование слов (ср.: «в чехле» — «в чехольчике» и др., повтор союзов и симметричность построения тесно связанных между собою сложных предложений: «и зонтик... и часы... и нож...»), противоречит оценочному суждению Буркина. Чехов косвенно подводит читателя к тому, что Беликов не столько причина, сколько жертва зла, присутствующего на земле, таящегося в людях.

Прочитав, включенный в рассказ, лирический отрывок описания природы о лунной ночи, погружённой в тихий глубокий сон, улице, избах, стогах, уснувших ивах и поле, залитом лунным светом, где: «...тоже ни движения, ни звука», понимаешь, что «футлярность» не просто смешное, карикатурное свойство, а одно из универсальных свойств человека и самой жизни. Произведение производит впечатление стихотворения в прозе.

В связи с такими отступлениями рассказ обретает философское значение. И уже читателю разбираться и ощущать, где психологические наблюдения переходят в философские, и быть самому «критиком» произведения. Ведь в процессе осмысления художественного произведения может вступить в действие принцип сотворчества интерпретатора и автора. Интерпретатор может не только переживать в процессе чтения произведения, но и добавить в его понимание свой смысл.

Внимательное чтение, обращение внимание на каждую деталь, нюанс в рассказах Чехова развивает интеллектуальную и душевную сферу читателя, даёт ему стимул к ценностной переоценке окружающей его реальной жизни. Автор неявно присутствует в тексте рассказа, хотя и расщепляется, живёт в «ипостасях» описываемых героев. Он вводит в текст ряд намеков и деталей, позволяющих выйти за пределы осуждающих оценок Буркина. Обличительная речь Буркина прерывается фрагментом, в котором

описывается реакция его слушателя – ветеринарного врача Ивана Ивановича Чимши-Гималайского: «Да. Мыслящие, порядочные, читают и Щедрина, и Тургенева разных там Боклей и прочее, а вот подчинились же, терпели ... То-то вот оно и есть.» [74, т.3,с.445] Становится ясно, что причины рабства, трусости городской «интеллигенции» в их духовной нищете, установке на «футлярность». Да, в Беликове проявилась человеческая ущербность, внутренняя боязнь свободы и полноты жизни. Он оказался уязвимым и незащищенным. А «мыслящие и порядочные люди», разыгравшие смертоубийственный спектакль с его сватовством, похоронили его «с большим удовольствием». Слово «ужас» повторяется в тексте рассказа с различными вариациями несколько раз: при описании знакомства Беликова и Вареньки, в реплике Вареньки, ехавшей на велосипеде, когда она повстречала Беликова, в объяснении с братом Вареньки, когда Беликов припомнил эту сцену. Авторский голос: «Беликов нервно засуетился и стал одеваться быстро, с выражением ужаса на лице...» [74,т.3,с.451] Слово «Ужас», вначале высказанное Варенькой, растекается по всему рассказу, помогая выразить авторскую оценочную позицию. Смех Вареньки: «Ха-ха-ха!», когда её брат спихнул Беликова вниз по лестнице и тот упал, приобретает символическое значение, становится шире. Междометие «ха-ха-ха» опредмечивается, приобретает свойства существительного. Казалось бы, безобидный смех становится причиной сильного переживания главного героя, а затем — смерти. Но, можно сказать, во всех произведениях Чехова, при описаниях мрачных событий, у читателя не возникает гнетущего ощущения. Наоборот, сквозь мрачность проглядывает странная радость, душевный подъём. Уныние не приживается. Такой эффект достигается введением эстетических образов, деталей, слов, имеющих символическое, расширенное значение. Например, слова: «кротка, печальна и прекрасна», «ласково», «с умилением», «благополучно», «ни движения»... Выражения: «широкая», «далеко от горизонта», «во всю ширь» отражают направленность против внутреннего

рабства, страха перед открытым пространством свободы, против футлярности, которая может присутствовать в каждом человеке.

В повести Чехова «Моя жизнь» сын архитектора Полознёва — Мисаил решил, что ему не подходит чиновничья ведомственная служба и решил зарабатывать деньги физическим трудом. И встретил большое сопротивление не только со стороны провинциального общества, но и со стороны своего отца. Отец не раз бил сына, пытаясь воспитать его на свой лад. Но его костные, мещанские взгляды не затронули чистую, свободную душу главного героя. Он выбрал смену профессии, проявив свою волю, и, хотя стал в глазах окружающих белой вороной, для него это было лучше. Любопытен в этом отношении спор доктора Благово и главного героя. Доктор говорит, что существует опасность, если лучшие люди, мыслители, учёные станут тратить время на битые щебня или окраску крыш. «Ведь прогресс — в делах любви...» — возражает Мисаил. [74, т.3, с.320]

Дочь архитектора Полознёва, его сестра, вначале обожавшая отца, верившая в его необыкновенный ум, в процессе развития сюжета полюбила доктора Благово и внебрачно забеременела от него. В этой любви, противоречащей общественным правилам и укладу проявилась её свобода. Да, она осталась без помощи и поддержки отца, поругаемая обществом, больная туберкулёзом и, в конце концов, умерла, но она родила дочку по любви. Душа её осталась чиста и свободна. Чехов проводит параллель между сестрой и братом, описывая, как они освобождаются от внешнего и внутреннего рабства, нагнетаемого общественными отношениями. А за кулисами произведения — сам Чехов и те, кто ещё пока не проявил свою волю, выдавливая из себя раба, чтобы стать более свободными и совершенными.

Главный герой рассказа «Скрипка Ротшильда» — грубый, неотёсанный гробовщик Яков Иванов вечно подсчитывающий материальные убытки, обнаружил, что его жена при смерти. Жили они пятьдесят два года. И только, когда жена заболела, Яков вспомнил, что за

всё это время он ни разу не подумал о ней, не обратил внимание, будто она была кошкой или собакой. Она ощущала себя несчастной, но заботилась о нём и уважала его умение играть на скрипке. Вот они, не замечаемые в процессе жизни настоящие ценности! И почему многие люди осознают их только в критических ситуациях, теряя любимых, любящих их. А ведь отношения могли быть совсем другими, более совершенными, полными людьми. Не потому ли, что люди заняты суетой, погоней за, всё же, эфемерными материальными выгодами? Яков оскорбил и набросился с кулаками на бедного еврейского музыканта Ротшильда. И только, когда он ощутил свою надвигающуюся смерть, что-то в душе его изменилось. Ему стало жалко скрипку, которая останется после его смерти, и он решил подарить скрипку обиженному Ротшильду. В рассказе на материальном уровне, из уст главного героя, всё время идут рассуждения о пользе и убытках. Но параллельно, на более высоком уровне, на уровне «между строк», мы слышим сожаление о пользе и убытках высших ценностей. Правда, уже слова «польза» и «убыток» не подходят к выражению этих высших ценностей. Чутким читательским ухом можно услышать: за кадром плачут ангелы, сопереживая каждому ценностному людскому промаху и улыбаются, когда людские души раскрываются хоть на миг в свободе и добре.

Чехов считал, что «тогда человек станет лучше, когда вы покажете ему, каков он есть» [77, т.17, с.270]. Он, конечно, показывал это не напрямую, а путём сложных художественных приёмов. Чеховский реализм, пронизан сатирой, авторской иронией. Но глубина Чехова в том, что сквозь карикатурную остроту читатель ощущает то жалость, то неприязнь к персонажам, при этом истинные чувства автора витают между строк. И, главное, между строк витает авторское убеждение, что на земле есть возможность свершаться лучшему, чем свершается, что в жизни можно стать лучше, чем ты есть. Чехов писал, что писатели, которых мы называем вечными, имеют один общий, важный признак: они куда-то идут и ведут нас

туда, и чувствуешь не умом, а сердцем, что у них есть какая-то цель. В его произведениях кроме жизни, какая есть, чувствуется ещё жизнь, какая должна быть. В рассказе «Счастье» старый пастух сравнивает счастье с кладом: «Есть счастье, а что с него толку, если оно в земле зарыто? Так и пропадёт добро задаром, без всякой пользы... А ведь счастья так много, что его на всю бы округу хватило, да не видит его ни одна душа!» А ведь, возможно, Яков Иванов из «Скрипки Ротшильда» мог бы прожить с женой счастливую жизнь, осознай он вовремя пользу не только материальную, но высоко ценностную, духовную. А если бы Мисюсь — главная героиня рассказа «Дом с мезонином» не подчинилась требованию её сестры Лиды, а проявила бы свою волю и свободу в любви? Конечно, она стала бы по характеру другой, не было бы такого контраста между ней и сестрой. Но она и её друг, возможно, ощутили бы счастье.

3.2 Тема свободы в русской поэзии: Пушкин и Цветаева

К вопросам свободы, счастья и, в тоже время, человеческого несовершенства, обращались многие великие русские поэты.

В первую очередь, тема свободы была чрезвычайно близка А. С. Пушкину. Интерес к теме был не просто навеян романтизмом, тема была прочувствована и пережита автором. «Свобода, вольность, воля», особенно «свободный, вольный» — нет слов, которые чаще бросались бы в глаза при чтении Пушкина» [65, с. 364] — отмечает в своем исследовании Г. Федотов.

Свободолюбие, как черта характера, глубинно соответствовала личности великого русского поэта. Так в стихотворении «Свободы сеятель пустынный», написанном в 1823 году [42, с.360], поэт констатирует выраженный в художественной форме факт: «дары свободы» — «живительное семя» творческих идей не воспринимаются народами, им ближе «ярмо с гремушками, да бич». Слово «паситесь» применительно к людям, не готовым к внутренней свободе, сатирически принижает их. В

основе сюжета стихотворения — библейская притча: землелепашец, разбрасывая зёрна, понимает, что не каждое зерно может взрасти, многое зависит от того, куда оно упало. В отношении Пушкина к людям, не готовым скинуть с себя ярмо внутреннего рабства, много общего с отношением Чехова к наблюдаемым в реальности будущим персонажам его произведений. Однако отношение Чехова больше похоже на отношение врача — понимающее и сожалеющее. Пушкин возмущён, расстроен тем, что драгоценные слова о свободе пропадают втуне как зерна, упавшие на сухую каменистую почву. У него одна надежда, что многие, прочитав обличительное стихотворение, изменятся. Чехов внутренне терпелив, он готов постепенно подводить людей к открытию себя другими, к изменению.

Свобода для Пушкина — это прежде всего коммуникативная сущность, связанная с дружескими чувствами, любовью к отечеству:

...Любовь и дружество до вас

Дойдут сквозь мрачные затворы,

Как в ваши каторжные норы

Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,

Темницы рухнут — и свобода

Вас примет радостно у входа,

И братья меч вам отдадут. —

(из стихотворения «В Сибирь»). [42,с.389]

...Пока свободою горим,

Пока сердца для чести живы,

Мой друг, отчизне посвятим

Души прекрасные порывы! —

(из стихотворения «К Чаадаеву») [42,с.331]

1818г.

Надо сказать, свобода Пушкина как поэта шире его человеческой «жизненной» свободы. В стихотворении «Делибаш», напечатанном в 1832 году, поэт, описывая поединок делибаша с казаком, казалось бы, просто становится в позицию стороннего наблюдателя. Но читатель, прочитав стихотворение целиком, вдруг обнаруживает, что автор не болеет ни за казака, ни за делибаша, а находится выше, чем находился бы простой наблюдатель. Потому между строк неявно ощущается авторская ирония, оттого возникает ощущение лёгкости при описании трагического эпизода. Смерть в таком изложении предстает как своеобразное проявление витальности, как результат свободной и непредсказуемой игры жизненных сил, которые переполняют участников поединка. Эта, одновременно страшная и яркая зарисовка, при всей своей простоте ставит серьезнейший вопрос: обладает ли человек свободой или свобода, как онтологическая сущность мира играет им. До подобного видения реальности душа поэта стать выше всей ситуативности происходящего. И постигает она это состояние не сразу, а преодолев привычное стремление к полярностям.

Тема свободы была близка многим русским поэтам. Ее ценность пронесла сквозь свою жизнь и творчество Марина Цветаева, для которой Пушкин всегда являлся главным творческим ориентиром.

У Цветаевой нет ни одного стихотворения не тронутого стилистически или в смысловом значении чувством свободы. Её стихи, вобравшие всю противоречивость чувств и мира, в тоже время, необычайно цельны. Цельность — во всём её мироощущении, искренности, смелости. Свобода — в установке на открытость миру, самовыражение:

Всё таить, чтобы люди забыли,

Как растаявший снег и свечу?

Быть в грядущем лишь горсточкой пыли

Под могильным крестом? Не хочу!... — отрывок из

стихотворения «Литературным прокурорам» 1911-1912гг. [71, с.18]

Цветаевская свобода — в неожиданных смысловых перескоках-перелётах, часто подкрепляемых знаками тире, ведущих в подсознательный мир, полный глубины и образов. Ранее, 1911-1912гг, стихотворение «Старуха» [71,с.17] объёмно и глубоко раскрывает образ не конкретной старушки, а этого слова, более обширного понятия. Морской образ в третьей и четвёртой строчках первой строфы построен на ассоциации с древностью времени существования раковин. В третьей и четвёртых строчках второй строфы морской образ расширяется — появляется «время» и «океан». Океан дышит в раковине, время дышит в слове. Две огромные, непознанные людьми стихии живут, дышат в, казалось бы, ругательном в бытовом значении, слове «старуха»:

Слово странное — старуха!

Смысл неясен, звук угрюм,

Как для розового уха

Тёмной раковины шум.

В нём — непонятое всеми,

Кто мгновения экран.

В этом слове дышит время.

В раковине — океан.

Читаю это стихотворение и вспоминаю картины Рембрандта. Например, «Портрет пожилой женщины» 1654г. (Приложение 2, рис 3) или «Портрет старика в красном» 1654г. (Приложение 2, рис.4) Отношение Рембрандта к старости было не менее глубоким, чем у М.Цветаевой. Много внимания Рембрандт уделял фону, для того, чтобы создать ощущение взаимосвязи изображаемого персонажа с фоном (символически — временем): одновременно — погружения объекта в его глубину и выступления, проявления, выхода из неё.

Свобода, истеричная по сути, сублимированная в глубокое и широкое ощущение реальности, действующая, готовая всё познать, проникнуть во всё — у Цветаевой энергия личной души, выходящая из неё во внешний мир: «Если душа родилась крылатой, что ей хоромы и что ей хаты...» Мир ощущается ею, как живой организм. Мир — тоже душа:

Мир обернулся сплошною ушною

Раковиною: сосущей звуки

Раковиною, — сплошной душою!... — отрывок из стихотворения «Ночь» 1923г. [71,с.274]

Свобода жизни, свобода смерти... Экзистенциальная человеческая свобода, провозглашающая голосом поэта: «Я жажду сразу всех дорог!» — М.Цветаева «Молитва» 1909г. [71,с.13] Отказ от жизни после того, как эта жизнь проявилась мощным потоком гениальных стихов, эмоций, любви.

О, чёрная гора,
Затмившая весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь — быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей

Отказываюсь — выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть —
Вниз — по течению спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.

На твой безумный мир

Ответ один — отказ. [71, с.5]

Измученная, одинокая, в эвакуации 31 августа 1941 года Марина Цветаева покончила с собой. Но ее стихам «как драгоценным винам» настал свой черёд.

Человек эпохи постмодерна пытается решать проблему внутреннего рабства не самыми лучшими способами. Нивелирование моральных норм если и не всегда приводит к безнравственным поступкам, то может привести к равнодушию или аморфности в принятии решений. Марина Цветаева всей своей поэзией и духом ведёт современных людей, привыкших быть винтиками в машине услуг, а значит, к рабству перед работодателями, к тонкости, яркости, личностности восприятия мира, а значит, к свободе.

3.3 Свобода в произведениях Уолта Уитмена

Произведения американского поэта и публициста XIX века, Уолта Уитмена (1819 – 1892), буквально насыщены свободой, они выражают широту восприятия всего, о чём он писал. В стихотворении «Тебе, старинное дело борьбы за свободу» он пишет, обращаясь к свободе, словно к живой самостоятельной сущности: «Как вокруг оси вращается колесо — так и эта книга невольно вращается вокруг мысли о тебе» [59, с.6].

Родившийся в бедной семье фермера, сменивший множество профессий, Уитмен, казалось бы, совершенно незаметно, превратился из простого посыльного, учителя, укладчика, журналиста, редактора местной газет в поэта мирового значения. Оригинальный, самобытный автор проявил себя в полную силу в сборнике «Листья травы», впервые напечатанном в 1855 году. На протяжении всей жизни Уитмен редактировал, исправлял и переиздавал «Листья травы», количество стихов выросло от двенадцати до более четырёхсот. В книге выделено три

тематических течения: любовь к свободе, любовь к женщине и смерть — внимание к смерти впоследствии сменяется вниманием к бессмертию. Третья тема превращается в утверждение главенства Божественного замысла над жизнью, материальным миром. Поэт находился под влиянием идей американского поэта, эссеиста, философа, лектора Ральфа Уолдо Эмерсона, благодаря трудам которого возникло философско-литературное течение — трансцендентализм. В эссе Эмерсона «Поэт» выражена мысль о потребности США в своём собственном уникальном поэте, воспевающим свою страну. В трактате «Природа» Эмерсон высказывает мысль, что созерцая природу, человек познаёт Бога. И человеческий духовный мир может расширяться до размеров вселенной. Любое естественное явление материального мира выступает символом явления духовной жизни. В стихотворение «Я недоступен тревогам» [59, с.7] Уитмен приходит к трансцендентному, освобождающему медитативному состоянию:

Я не доступен тревогам, я в Природе
 невозмутимо спокоен,
 Я хозяин всего, я уверен в себе, я среди
 животных и растений,
 Я так же восприимчив, податлив,
 насыщен, молчалив, как они,
 Я понял, что и бедность моя, и мое
 ремесло, и слава, и поступки
 мои, и злодейства не имеют той
 важности, какую я им
 придавал...

Читая стихотворение «Был ребёнок, и он рос с каждым днём...», наводит на воспоминание о высказываниях Бердяева о творческом акте, когда «субъект выходит в объект, человек динамически обнаруживается в космосе». [6, с.114] Персонаж стихотворения — ребёнок рос...

И на что бы он ни взглянул — он всем становился.

И всё становилось частью его на этот день,

на этот час

Или на многие, многие годы... [58, с.206]

Ребёнок обретал свободу пребывать в связи со всем миром, с космосом.

Идее этого стихотворения созвучен весь строй «Песни о себе». На первый, неглубокий взгляд, кажется, что автор «...заявляет, что намеревается воспеть то-то и то-то, но всякий раз дело начинается и кончается перечислением» — так выразился о «Листьях травы» норвежский писатель Кнут Гамсун. [58, с. 8] Но здесь налицо расширенная, трансцендентная точка зрения, выход из личной, индивидуальной закупоренности в огромный мир, где всё друг другу близко. Поэт, живя и наслаждаясь жизнью, проходит по земле, впитывая в себя всё, что ни происходит, становясь каждым, кого встречает — «Я и молодой и старик...» [58, с. 46], все крайности и противоречия — «Радости рая во мне, мучения ада во мне...». И рождается прозрение, что смерть «...не подстерегает жизнь, чтоб её прекратить. Она гибнет сама, едва лишь появится жизнь». [58, с. 27]

Не чураясь негативных событий, поэт наблюдает их, как бы проходя сквозь них, воспринимая отдельное происходящее в целостности с происходящим во всём мире. Чтение его строк приводит к пониманию того, что широта и свобода ведёт не только к внутренней гармонии, но и к гуманистическому отношению к миру: к любви ко всем и ко всему, к ощущению самоценности и ценности всего вокруг: «Я славлю себя и воспеваю себя...» [58, с. 17], «И каждая пылинка ничтожная может стать центром вселенной», [58, с.123] «И тот, кто идёт без любви хоть минуту, на похороны свои он идёт...» [58, с 123]. И, оказывается, «...истины, что таятся в вещах, ждут, когда придёт их черёд...» [58, с.71], а ничтожное «так же велико, как и всё остальное». [58, с.71]

Такое мировосприятие ведёт к изменению внутренних установок, внутреннему перерождению. Это можно заметить и обращаясь к взглядам самого поэта, который в 40-х годах порицал «фанатиков», требующих раскрепощения негров, в 1855 году, в «Песне о себе» пишет о беглом негре:

В полураскрытую кухонную дверь я увидел его, обессиленного,
И вышел к нему, он сидел на бревне, я ввёл его в дом и успокоил его,
И принёс воды, и наполнил лохань, чтобы он вымыл вспотевшее тело и
покрытые ранами ноги... [58, с33]

А отношение поэта к проститутке, близко к отношению Христа к Марии Магдалине: «Жалкая, мне не смешна твоя брань, и я не глумлюсь над тобой». [58, с.43]

Трудно понять, что первично для автора: текучесть мира, деталями которого он питает свою душу, наполняет её гармонией, или изначальная внутренняя гармония способствует выходу в огромный мир. Но этот выход, эта точка зрения — акт личной свободы. Этот выход — пример для многих современных людей, оказавшихся в состоянии тревоги, изоляции, одиночества, готовых искать «вторичные узы», мазохистские связи [68, с.195], напоминающие связи с родителями, но на само деле, заставляющие отказаться от индивидуальности и цельности — варианты бегства от свободы, которые описал Эрих Фромм в книге «Бегство от свободы». Фромм напоминает, что «второй путь» никогда не вернёт человеку былого органического единства с миром...» [68, с.174] Для Уитмена поэтическое мышление — лекарство от страха быть отделённым от мира, под довлеющими над человеком обстоятельствами. Путь к позитивной свободе через изменение внутреннего мира. Недаром Бердяев писал: «Вся ориентировка жизни должна извне перейти вовнутрь» [6, с.24].

Как мы видим, поэтические интуиции Уитмена перекликаются с идеями Фромма и Бердяева. В то же время, в его восприятии свободы нет расколотости, свобода не распадается на негативную и позитивную, она является способом объединения с миром и обретения себя в этом мире.

3.4 Тема свободы в творчестве современных орловских поэтов

Орел не случайно называется литературной столицей. Это название оправдано не только именами писателей, родившихся здесь в XIX веке. Современная орловская литература, в особенности, поэзия служит достойным продолжением славного прошлого. Конец XX века отмечен подлинным творческим всплеском. Достаточно назвать имена Виктора Дронникова, Ирины Семеновой, Вадима Еремина, Николая Перовского. Тема свободы неоднократно затрагивалась в их творчестве.

Николай Перовский — вселенский поэт, смотревший на земное с высоты, но, в тоже время, любивший это земное, чудесное со всеми его деталями и случайностями. Бывший беспризорник, у которого было голодное детство, он научился ценить жизнь, такую, какая она есть и всё же находить в ней красоту, трансцендентные источники возвышенного.

...И я решил, что всё потеряно,
 Что предал друг и ночь темна,
 Но тут — царевною из терема! —
 Из тучи выплыла луна.

И осветила даль окрестную,
 Омыла ближние места
 И всё окрасила в небесные,
 Туманно-звёздные цвета.

И что-то тёмное и мрачное
 Над бездной пасмурной воды
 Она преобразила в дачные,
 Осеребрённые сады.... — отрывок из стихотворения «Ночные стихи» [38,с.330]

Когда читаешь Н.Перовского, невольно вспоминаются лирические пейзажные отступления Чехова. Красота выше земных судеб, ситуаций! Какое внимание к мелочам, деталям!

Камыш на речке шепчется спросонок,
 За речкой «пить-полоть!» — перепела,
 Мычит, мычит на выгоне телёнок,
 Но, кажется, деревня умерла... — отрывок из стихотворения
 «Забывтые» [38, с.303]

Связь всего земного, повенчанная с красотой, выходящая за пределы привычного, до высоты звёзд ощущается и в произведениях Чехова и Перовского. Пушкин же сам настолько динамичен и широк, что с лёгкостью парит над своими строчками. В стихотворении «Прозреньё» Н.Перовского [38, с.26] контраст между «милым кругом, где всё живое» и далёкими звёздами нивелируется поэтическим мостом строчек:

...Мы в общем хоре — все солисты,
 И даже тот, кто безголос,
 В своём особенном регистре
 Доносит шёпот свой до звёзд.

И всё же, каково отношение Николая Перовского к свободе?

Свобода так похожа на фантом:
 Проявится, продлится, исчезает, —
 Так мощная река, покрывшись льдом,
 Струится и до дна не промерзает.

Элементарно, Ватсон, жизнь — игра,
 А в прикупе свобода — Божья карта —
 Пригоршня зла под горсточкой добра,
 Ты сам — и демиург, и раб азарта.

Мираж удач в пустыне неудач,
 Граница, как всегда, на зыбкой кромке,
 А впрочем, ты свободен, как циркач,
 Ходить по струнке или рвать постромки... — отрывок из
 стихотворения «Свобода».[38, с.359]

В этом же стихотворении поэт пишет: «... На свете нет свободы от себя, а значит, никакой другой свободы...»

«Как же так, — может рассудить наивный и непосредственный читатель, — поэт только что писавший о возможности свободы, в конце концов, парадоксально заключает, что свободы никакой нет, раз нет свободы от себя...» Но как только возникает это замешательство, в силу вступает первая строфа стихотворения: «Свобода так похожа на фантом...». Мощь свободы, её неизученная, непознанная до конца человеком, тайна...

Неосознанно вторя Николаю Перовскому, в своём стихотворении «Иностранка» [50, с.9] я писала:

Ах, свобода, струна певучая,
 Что ж меня ты мучаешь, мучаешь?
 То покажешь во тьме язык,
 То внутри свой проявишь рык!

То невестой моей невенчанной
 Манишь, манишь над сенью вечности,
 Под фатой не покажешь лик! —
 Изменяешься каждый миг! ... (Приложение 3)

Да, свобода — иностранка, фантом, мощная река, покрытая льдом. Но в наших силах, ощущая её в себе, населять свой внутренний мир этическими

и эстетическими ценностями. И вот тогда, казалось бы, спрятавшаяся, свобода, вопреки утверждению, что её нет, начинает оживать. Такое возрождение свободы, парение ощущается в произведениях Н.Перовского между строк. Простой рассказ о девчонке, влюблённой в голубей — «Ещё о голубях» [38, с.29], о том, как полуголодная шестнадцатилетняя девушка родила ребёнка и решила не отдавать его в детдом, а воспитывать сама. Этот этически верный поступок главной героини — в те годы в детдоме «не кормили печеньем», вырастает в радость свободы принятого решения. И мы читаем дальше:

...В глазах ребёнка не было грусти,
Весёлый, упитанный малый
Крепко сжимал ручонками груди
И улыбался маленькой маме.

Так подрастал этот общий сын
Средь нас, голодных, не зная голода, —
Он видел,
Как в небе, холодном и синем
Парят настоящие голуби!

Представитель немецкой классической философии, Иоганн Готлиб Фихте писал о том, что назначение человека выходит за пределы пространства и времени, оно выше границ чувственности: «... Вопрос о том, чем я должен стать и чем я буду, превосходит всё моё мышление...» [64, с.205]. И далее о велении долга: «...Коль скоро это веление выступает из моей личности наружу в мир, мне не о чём больше заботиться, ибо с этого момента оно переходит в руки вечной Воли...» [64, с.207]. Но не связано ли веление долга, исходящее от вечной высшей Воли с потенциальным блаженством, счастьем, свободой человека?

О связи свободы и счастья, свободы и любви пишет русский философ и культуролог Григорий Померанц в эссе «Свобода и любовь» пишет: «Любовь – это чувство привязанности, и в то же время она ощущается как свобода. Почему? Очевидно, она открывает какую-то новую ступень свободы, которую мы раньше недостаточно замечали, недостаточно чувствовали» [39]. При этом он приводит стихи своей жены, поэтессы — Зинаиды Александровны Миркиной.

Мы с тобой молились как деревья –
Без молитв, дыханием одним.
Всем своим безмолвным устремленьем,
всем единством стихнувшим своим.

Приближались меркнущие дали,
Лес светлел в преддверьи полной тьмы.
Мы с тобой молитв тогда не знали,
Но самой молитвой были мы.

Образ молящихся деревьев концентрирует на себе внимание. Действительно, в реальности деревья изнутри полны движением соков, а снаружи кажутся замершими, словно в молитве. Концовка «Но самой молитвой были мы», приводит читателя к глубинному восприятию удвоенной концентрации, к ощущению внутреннего мира главных героев, которые в стихотворении внешне не выявлены никакими конкретными деталями. Только изнутри можно познать, прочувствовать этих любящих друг друга людей.

А вот ещё одно стихотворение Зинаиды Миркиной, дополняющее вышеприведённое:

Нас обвенчала тишина
В свой сокровенный час.
В обоих нас вошла она
Одна – в обоих нас.

Мы ею до краев полны,
И нам с тобой дано
Не расплескавши тишины,
Понять, что мы – одно.

Тишина — это внутренняя цельность связанная со всем миром и, в тоже время, её расплескать нельзя, иначе можно потерять нечто ценное, сокровенное.

Г. Померанц разделяет свободу на свободу верности и свободу выбора. Продолжающаяся длиться настоящая любовь сохраняет свободу верности, свобода выбора разрушает любовь. Философ считает, что потеряв молитвенное состояние любви, созерцания вечности, человек впадает в рабство собственных мелких желаний. Но что такое «свобода выбора»? Это когда недовольный чем-то в жизни человек пытается убежать или уйти от этого или поборов, справиться с этим. На мой же взгляд, в таком желании ничего плохого нет. Но человек часто вкладывает в подобные желания избыточную энергетику, которая может привести его к агрессивному, демоническому состоянию и действительно разрушить его внутреннее чувство любви. «Свободный человек – это внутренний человек, владеющий внешним, повелевающий внешним, ограничивающий его, чтобы сохранить свою свободу», — пишет Г.Померанц. «Только внутренний человек способен взлетать и взлетать на крыльях духа». — заключает он.

В стихотворении Николая Перовского «За городом» [38, с.105] окружающая жизнь с её суетой описана гораздо динамичней: «... всё шевелится, всё теснится, звеня колечками оков»... «Колечками», а не кольцами или цепями... Уменьшительное значение слова подсознательно возвращает читателя в детство, где кольца оков — игра, игрушка, которую легко разорвать. Танец, кружение цветочной пыльцы распахнутые ромашки, звон букашек рядом с бетонным городом, контраст живой природы и техногенной цивилизации, выражается и во внутреннем

конflikте человека: «Одной ногой увяз в асфальте, другой запутался в траве!..»

В стихотворении «Муравей» [38, с.175] Николай Перовский так описывает свою жизнь:

Безымянный пассажир на верхней полке,
Я вписался и втянулся в общий круг
И мотался, словно нитка на иголке
Под вагонный перегонный перестук.

Понимая, что сиротство не в награду,
Был я каждому и всякому родня,
Прилепился к человеческому стаду
Так, что не было отдельного меня.

Дни и годы нарастают не в нагрузку,
Если с детства ты сдаёшь себя наём,
И, с поправкой на усушку да утруску,
Оставался я вселенским муравьём.

Я летел на дух полыни и гудрона,
Беспородный и безродный до седин,
Чтобы вдруг среди галдящего перрона
Спохватиться и увидеть — я один...

Облик времени неясен и неярок,
Но в наследство от дурного волшебства —
Одиночество, магический подарок,
Вроде пятого туза из рукава.

Магическая тайна, глубокий потенциал одиночества и личной свободы... Ритмика стихотворения, подобная суетливому вагонному перестуку дней и лет, дополненная зримой «картинкой» галдящего перрона, контрастирует с образом, которым наделил себя поэт — «вселенским муравьём» Маленький муравей способен чувствовать всю вселенную, взаимодействовать с ней! Казалось бы, беспородность и безродность, контрастирует с чудом «пятого туза из рукава» — внутренней ценностью, эквивалентом потенциального глубинного счастья.

Орловская поэтесса Людмила Успенская, ощущая странности своего времени, пытается осознать, понять, прочувствовать эпоху и, насколько возможно, изменить к лучшему. При этом она дает свою интерпретацию понятию свободы, пытаясь понять, что же такое свобода — разрушительная анархия или великая ценность. В эпоху, когда смещаются привычные понятия и колеблются старые устои «и не церковь, ни кабак, ничего не свято...».

Свобода

Давят церковные своды,
Глушит стозвонный набат...

А для кого-то свобода
Перетекает в разврат.

А для кого-то с рассветом
Пьяный больной херувим
Склеит плевки и монеты
В утренний пафосный грим...

Вот вам — свобода поступков!
Вот вам — родная стезя!
У молодой проститутки
Та же свобода в глазах.

Весело лечатся нервы!
 Весело и без мозгов.
 Взгляд плотядненькой стервы
 В хрусте наломанных дров...

...Трепет... Часы и помосты...
 Ветер... Билет... Провода...
 Мысли... Побег... Vita nostra...
 Треск неокрепшего льда...

Связаны в узел границы
 Словом одним: беспредел.
 Небо... Двоится... Тройится...
 Ты же такого хотел!

Крайность. Из крайности — в крайность.
 В магму — босою ногой...
 Стой!... лишь усталость металась
 В проблесках лампы седой...

Стой!... Только щерится тигром
 Юный патлатый расстрига...
 В давящей колкости мига
 Стой...

2017г. [61, с.46]

В этом стихотворении проглядывает попытка восстановить рушащиеся барьеры. Свобода существует только как проявление человеческой сущности, как этический выбор. Автор дает понять, что свобода без

внутреннего стержня, без выстраивания каждым для себя этических границ превращается в порабощенность, в давление эмпирической реальности — «связанными в узел» границами пространства и «давящей колкостью мига».

В стихах орловской поэтессы Ольги Соковой свобода предстает в совершенно другом облике. Ей присуще собственное бытие — вне границ нашего разорванного противоречиями сознания, она имеет собственный настрой и характер — динамичный, легкий, летучий, словно ветер. Она парит над суетой, неудачами, над лавинами переполненных, уставших от бездуховности, «людей-желудков». Она подобна музыке. Это тайна, не замеченная до конца нами, скрываемая «как невидимка в волосах». Это чудо, которому мы не отвечаем — «безответное». И есть пути выхода к свободе: путь поэзии, творчества, танец любви, путь внутренней открытости миру. Свобода облегчает всё земное, не ведает боли и слёз. Не страшась гроз пустых деяний и ошибок, свобода улыбается над ними радугой. Свобода — птица феникс, возрождающаяся из пепла земных падений и расстройств. Казалось бы, мираж... Но если отворить сердце, поверить, впустить — музыка свободы войдёт в него и многое изменится, даже прошлое, недоверчиво смотрящее из-под козырька бытия.

Ветер свободы

Как ветерок, как ветерок— Свобода!

Мы так легки, пусть, даже если и близки

По возрасту, характеру иль роду...—

На наших лицах ветер чуткие мазки,

Как на холстах, художником, оставил —

Воздушных оплеушек колотьё!—

Ах, смейся вихрям, хлещущим без правил,

И облегчай земное бытиё!

И в этом танце тонком и беспечном,
 Где притяженье — тел и душ игра,-
 Всё быстротечно... В тоже время — вечно,
 И смешано "сегодня" со "вчера".

А ты— сегодня— ты, но завтра — кто-то
 Другой, ты— в нём ... Его целую, ах!
 О, воздух! Смена ритма, смена ноты
 Над тишиной, горящей на устах.

А безвоздушье? Безвоздушье лучше?
 Где жизнь — заборных досок пересчёт?
 О, красота, спасающая души,
 О, бесконечный праздник и полет!

2012г. [50, с.36]

Среди стихотворений Соковой мы находим целый цикл посвященных свободе текстов, в которых читается ее женственный и даже по-девичьи шаловливый образ:

И ловят лужи, как радары,
 Её размытые черты,
 И развесененные пары

Несут улыбки, как цветы. — Отрывок из стихотворения «Свобода»
 (Приложение 3)

С одной стороны, стихам присуща сказочность, они — выражение свободной игры воображения. За образом свободы угадывается несколько идеализированный образ самого автора. Лирика — это немного «мечта о себе», которую поэт делает привлекательной для читателя, заставляя посмотреть на мир собственными глазами.

С другой стороны, понимание свободы в этих по-женски легких строках наводит на параллели с идеями русской философии — в первую

очередь Бердяева, для которого свобода тоже является сущностью самостоятельной, живой. При этом в стихах орловской поэтессы мы не находим раздвоения свободы, которое присутствует у Бердяева. Свобода в ее понимании не несет ответственности за зло — подлинная свобода, всегда праздник и радость, а они не могут толкать человека на преступление. Лишь отсутствие свободы — неумение освободиться от ненужного, отяжеляющего душу, приводит человека к унынию и греху. Подлинная свобода — это умение принимать жизнь, понимать ее самостоятельную ценность, ее дар, который равно принадлежит всем — от цветка в поле до человека.

А может... Позабыв про сумку,
Останусь здесь, на мостовой,
От солнца жмурающейся сукой,
Безгрешной, страстной и живой!

Это несколько шокирующее сравнение с собакой — скрытый намек на кинические принципы и заветы. Только освободившись от лишнего груза — «забыв про сумку», человек может насладиться свободой — раствориться во всеобщей радости бытия. Жизнь и свобода в поэзии Соковой практически не отделимы друг от друга, только свобода питает и «животворит» все, к чему прикасается.

В чем-то восприятие свободы, свойственное поэтессе, перекликается и с идеями Григория Померанца. В своем эссе «Три уровня бытия» он говорит о трёх уровнях, ступенях развития и мироощущения личности: уровень особи, уровень бессознательного-безрассудного, когда чувство может взлететь до небес, и — уровень непостижимого целого. Третий уровень совпадает с мистическим переживанием бытия, как единства. На этом уровне человек чувствует боль и радость всего вокруг и относится к миру так, будто сам создал его. Когда бытие как бы входит в тело, внося элемент бессмертия. Это и есть уровень подлинной свободы.

Так же интуиции орловских поэтов — мысли об этической ответственности, о высокой роли свободы и ее правильного понимания,

близки идеям Эриха Фромма. В книге «Иметь или быть» Фромм пишет об опасности глобальной катастрофы, причиной которой может стать неправильная реализация свободы — ее извращенное понимание. Мыслитель говорит о дремлющем, не пробуждающемся в полную силу, инстинкте самосохранения у человека. Приводит мнения специалистов, что для спасения человечества необходимо возникновение новой этики, нового отношения к природе, к миру, основанного не на чувстве власти-обладания, а на принципе «быть». То есть, на принципе освобождения себя от обременительного груза несвободы, связанности вещами, которые в нашем сознании, как бы, оживают и начинают довлеть над нами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав понятие свобода и рассмотрев его разнообразные преломления в философских концепциях и художественных текстах европейских и отечественных авторов, мы можем сделать ряд выводов.

Понятие свободы впервые появляется в философии античности. Однако, здесь оно не получает достаточного развития, с одной стороны, в силу укоренённости общей мировоззренческой установки античной культуры в мифо-поэтической матрице, подчиняющей жизнь людей и богов всевластию судьбы, с другой стороны, по причине преобладания рационалистических установок, при помощи которых логика помогает выйти за границы мифа, но сама ставит еще более жесткие границы детерминизма.

Определенным прорывом в осмыслении свободы является христианский персонализм, основы которого закладываются Отцами Церкви (Августин Блаженный, антропология «отцов-каппадокийцев»). Уже здесь свобода предстает как сложный неоднозначный феномен: как божественный Дар, как признак богоподобия, с одной стороны, и как причина всякого зла, с другой.

Подлинная актуализация проблемы свободы происходит в европейской философии Нового времени. В первую очередь в творчестве Иммануила Канта. Учение Канта выделило свободу как явление, определяющее внутреннюю жизнь человека и, как следствие, его дела и поступки. Свобода выделяет человека из мира природы, подчиненного необходимости – физическим законам. Учение Канта наносит удар по механицизму, царившему в философии Просвещения и нашедшему яркое выражение в концепции «человека-машины» Ламетри. Для Канта человек — существо, имеющее внутреннюю связь с ноуменальным миром, непредсказуемое в своем выборе и поступках. В то же время учение Канта дало возможность

почувствовать не только трансцендентную глубину свободы, но и ценность вещей, существующих в материальном мире необходимости.

Концепция Канта послужила толчком для дальнейшей разработки понятия «свобода» в европейской философии и для его актуализации в культуре и социальной жизни.

Тема взаимосвязи свободы и творчества занимала центральное место и в концепции Николая Бердяева. Для него свобода становится центральным понятием философии. При этом она также распадается на негативную и позитивную. Негативная — причина хаоса, разрушения, причина отпадения человека от Бога. Позитивная связана с деятельностью высших сил души, в первую очередь, с творчеством. Творческая активность для Бердяева – это и есть свобода в ее высшем проявлении, свобода «по существу». Возвышая человека, как существо, способное к творческим прорывам, Бердяев одновременно отрицает гордыню. Гордыня отделяет человека от окружающего мира. Творчество же приводит к объединению — к ощущению гармонии человеком, достигшим духовного освобождения, осязавшего всеобщую мировую связь.

Эрих Фромм своей интерпретацией свободы вселил надежду на более полное понимание личных и общественных проблем, дал установку на действие. Его «позитивная свобода» предполагает развитие личности, реализацию внутреннего потенциала. Спонтанная активность — активность, связанная со свободой и творчеством.

При сопоставлении двух противоположных по своему отношению к миру авторов — Бердяева, полного возвышенного духа, и прагматически мыслящего, Михаила Веллера, можно заметить насколько сложным и неоднозначным является понятие свободы. У Веллера свобода – это прежде всего, возможность совершения поступков и реализации энергии, она воспринимается больше во «внешнем плане» и определяет собой действия человека.

Можно заметить, что в философских концепциях свобода предстаёт как явление неоднозначное или амбивалентное: она наделяется положительными и отрицательными «функциями», сущность ее часто «распадается», возникает представление о подлинной и ложной свободе или подлинной или ложной реализации ее. Свобода как единая целостная сущность фактически ускользает от философского анализа. Что отчасти объясняется «иррациональностью» самого явления.

Художественная литература, располагающая особым «внерациональным» подходом к осмыслению действительности, создает образ свободы. И этот образ часто имеет качества единства и целостности. С одной стороны, мы не находим у Чехова, Пушкина и Цветаевой «объяснений» свободы или ее обоснования, с другой, мы получаем некое общее и достаточно яркое представление о ее характере. Литература видит в свободе источник творческой и жизненной энергии, ассоциирует ее с игрой. В то же время свобода, в творчестве поэтов видится явлением не только человеческого мира, но и космоса в целом — природа, описанная художественным языком, так же полна свободной игры и творческой энергии. Поэзия дает живой образ единства человека, наделенного волей и свободной природной стихии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аллахвердиев, Г.В. Социально-философская сущность понятия «Свобода воли» /Г.В.Аллахвердиев // Вестник КемГУ. 2011. №3. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskaya-suschnost-ponyatiya-svoboda-voli>. — Дата доступа: 24.05.2019.
2. Апресян, Р. Г. Свобода: опыты осмысления и переживания/ Р.Г.Апресян// Этическая мысль. 2017. — №1. — С. 56 - 67.
3. Асмус, В.Ф. Иммануил Кант. / В.Ф.Асмус. — М.: Наука, 1973. — 511 с.
4. Аствацатуров, А. А. Генри Миллер и Уолт Уитмен /А.А. Аствацатуров // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2012. — №1. — С. 7-12. <https://cyberleninka.ru/article/n/genri-miller-i-uolt-uitmen>.
5. Белан, Е.А. Психология активности в учении о человеке Эриха Фромма / Е.А. Белан // Методология и история психологии. — 2008. — Т. 3. Вып. 2. — С. 121-128.
6. Бердяев, Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. / Н.А.Бердяев. — Харьков: Фолио, 2002. — 679 с.
7. Бердяев, Н. А. Философия свободы. / Н.А.Бердяев// Электронная Библиотека Одинцовского благочиния (официальный сайт) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/filosofia_svobodi . — Дата доступа: 21.05.2019
8. Бердяев, Н.А. Философия свободного духа. / Н.А.Бердяев // Электронная библиотека Royallib [Электронный ресурс] . — Режим доступа: https://royallib.com/book/berdyayev_nikolay/filosofiya_svobodnogo_duha.html. — Дата доступа: 21.05.2019
9. Богданов В. В. Путь к онтологии культуры в учении И. Канта /В.В.Богданов// Известия ЮФУ. Технические науки. 2006. №12. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/put-k-ontologii-kultury-v-uchenii-i-kanta>. —Дата

- доступа: 24.05.2019.
10. Бодлер, Ш.П. Цветы зла и стихотворения в прозе/ Ш.П. Бодлер. — Томск: Водолей,1993. — 397с.
11. Брамбо, Р. С. Философы древней Греции / Р. С. Брамбо. – М. : Центрполиграф, 2002. – 320 с.
12. Бурно, М.Е. Терапия творческим самовыражением/М.Е.Бурно. — М., 1999. — 364 с.
13. Веллер, М. И. Всё о жизни. / М.И.Веллер. — Санкт- Петербург: Фолио, 2002. — 751с.
14. Гамильтон, Д.Р. Мысль имеет значение. Поразительное доказательство власти разума над телом. / Д.Р. Гамильтон . — Санкт-Петербург: «Весь», 2011. — 151 с.
15. Гарбузов, Д.В. Трансцендентная идеальность времени в концепции И.Канта / Д.В.Гарбузов// Психология человека (официальный сайт) [Электронный ресурс]. — 2008. — Режим доступа: <https://psibook.com/philosophy/transtsendentalnaya-idealnost-vremeni-v-kontseptsii-i-kanta.html>. — Дата доступа: 24.05.2019
16. Гуторович, О. В. Проблема свободы и её решение в античной философии/ О.В.Гуторович// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2015. № 7. Ч.1. С.35-38. — <http://www.gramota.net/materials/3/2015/7-1/9.html>
17. Дао Дэ Цзын: перев. Елизарова П.А. // SunHome (официальный сайт) [Электронный ресурс]. — 2018. —Режим доступа: <http://daodejing.esy.es> . — Дата доступа: 26.06.2018.
18. Дерман, А.Б. Творческий портрет Чехова/ А. Б. Дерман. — М.: Мир, 1929. — 348 с.
19. Завгородняя А. Л. Творчество «свободного духа» в концепции Николая Бердяева /А.Л.Завгородняя // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. №93. — С. 158 – 161

20. Завьялова, Г.И. Становление категорий ответственности и свободы в античной философии/ Г.И. Завьялова // Вестник ОГУ . — 2013. — №1. — С. 27-31
21. Залевский, А. В. Принцип совершенства в трансцендентальном учении о человеке/ А.В.Залевский// Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, по. 8, 2008, — с. 42-47.
22. Запека, О. А. Проблемы свободы в контексте персоналистской этики Н. А. Бердяева/ О.А.Запёка // Вестник славянских культур. 2010.— №3. — С. 40 – 44.
23. Зимянина, Е.В. К проблеме свободы в некоторых её аспектах (Н.О.Лоосский, Н.А.Бердяев, Э.Фромм) / Е.В.Зимянина // Вестн. моск. ун-та, сер. 7. Философия. — 2011. — № 2. — С.53-61.
24. Егунёва, М. В. Проблема свободы в гуманистическом психоанализе Э. Фромма / М.В.Егунёва// Вестник ОГУ. 2007. —№7. — С. 13 – 16
25. Есенин, С. А. Русская поэзия / С.А.Есенин. — [Электронный ресурс]. — 2019. — Режим доступа: <https://rupoem.ru/esenin/proplyasal-proplakal-dozhd.aspx> . — Дата доступа: 27.05.2019
26. Ишкова, М. А. Особенности неадаптивной активности подростков в ситуации ограничения свободы действий/М.А. Ишкова // Известия Самарского научного центра РАН. — 2014. — №2-3.— Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-neadaptivnoy-aktivnosti-podrostkov-v-situatsii-ogranicheniya-svobody-deystviy>. — Дата доступа: 24.05.2019.
27. Калинина И. А. Свобода личности в учении И. Канта: онтологические, аксиологические и правовые аспекты/ И.А. Калинина// Вестник ТГУ. — 2013. — №7 (123). — Режим доступа: <https://www.docme.ru/doc/1522245/svoboda-lichnosti-v-uchenii-i.-kanta-ontologicheskie--aksiol...>— Дата доступа: 24.05.2019 С. 326 – 332
28. Калинина, И. А. Понятие свободы личности в трудах Иммануила Канта/ И.А.Калинина // Вестник ТГУ. — 2009. —№4. — Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-svobody-lichnosti-v-trudah-immanuila-kanta>. —

Дата доступа: 24.05.2019.

29. Капустин, С.А. Новый критерий нормальной и аномальной личности / С.А. Капустин // Национальный психологический журнал. — 2018. — №2 . — С.13-21. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-kriteriy-normalnoy-i-anomalnoy-lichnosti>. — Дата доступа: 24.05.2019.

30. Коськов, С.Н. Классическая эпистемология. Монография. / С.Н. Коськов. — Орёл: Изд.ОГУ, 2013. — 216 с.

31. Коськов, С.Н. История философии в контексте культуры: в 2 ч. / С.Н. Коськов . — Орёл: Биб-ка ОГУ, 1996. — 1ч. — 72 с.

32. Лебедева, Е.А. Антропология Эриха Фромма / Е.А. Лебедева // Вестник государственного аграрного университета. — 2019. — №1-2.

33. Линьков, В.Я. Скептицизм и вера Чехова / В.Я. Линьков. — М.: Изд. МГУ, 1995. — 78 с.

34. Лурье, С. Я. Демокрит / С. Я. Лурье // . — Л. : Наука, 1970. — 460 с.

35. Мезенцева, А.Э. Проблема свободы в социальной философии Э.Фромма / А.Э. Мезенцева // elibrary – материалы конференции №3 [Электронный ресурс]. — 2016. — С.158-160

36. Мильдон, В.И. Чехов сегодня и вчера («Другой человек») / В.И. Мильдон. — М.: ВГИК, 1996. — 176с.

37. Новая философская энциклопедия в 4 томах / Ин-т философии РАН, Нац. общ. — Науч. Фонд; Научно- ред. совет: предс. В.С. Стёпин, зам. предс: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. Секр. А.П. Огурцов. — М: Мысль, 2001. — 3т. — 692 с.

38. Перовский, Н.М. Книга книг. Избранные стихотворения / Н.М. Перовский // . — Орёл: Издательство «Вешние воды», 2014. — 464с.

39. Померанц, Г.С. Свобода и любовь. / Г.С. Померанц // Новый мир (официальный сайт) [Электронный ресурс] . — Режим доступа: http://nowimir.ru/DATA/040023_8.htm. — Дата доступа: 15.06.2018.

40. Померанц, Г. С. Три уровня бытия/ Г.С.Померанц // Журнал "Кэмпо". — 1994 — № 6. — С. 20-23. — Режим доступа: http://www.psichology.vuzlib.su/book_o508_page_26.html ./Дата доступа: 18.06.2018.
41. Практическое руководство по Терапии творческим самовыражением / Под ред. М.Е.Бурно, Е.А.Добролюбовой. — М.: Академический Проект, ОППЛ, 2003. — 880 с. https://www.koob.pro/burnov/therapy_creative
42. Пушкин, А.С. Сочинения/ А.С.Пушкин. — Ленинград: Государственное издательство «Художественная литература», 1936. — 975с.
43. Рабош, В. А. Свобода как синтез хаоса и рациональности в философии И. Канта / В.А.Рабош // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №62. — С. 26 – 29
44. Роговой, Б.С. «Дом с мезонином» Антона Павловича Чехова: комментарий для педагогов/ Б.С.Роговой// Проза.ру (официальный сайт) [Электронный ресурс]. — 2017. — Режим доступа: <https://proza.ru/2017/01/07/1962> — Дата доступа: 26.05.2019
45. Роговой, Б.С. «Общая идея» Чехова или «бог живого человека» / Б.С. Роговой// Проза.ру (официальный сайт) [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа: <https://proza.ru/2014/06/05/1037>. — Дата доступа: 26.05.2019.
46. Ротенберг, В.С. Образ «Я» и поведение. Рождение идей / В.С.Ротенберг// Сайт Вадима Ротенберга (официальный сайт) [Электронный ресурс]. — 2000. — Режим доступа: <http://vsrotenberg.rjews.com/book.htm#.XOvh-P5S8dU>. — Дата доступа: 27.05.2019
47. Ротенберг, В.С. Сновидения, гипноз и деятельность мозга / В.С.Ротенберг. — М. : Центр гуманитарной литературы РОН, 2001. — 254с. <https://www.litmir.me/br/?b=121543&p=1>
48. Сатарова, Э.З. О понятии «свобода» /Э.З.Сатарова // [Студент и аграрная наука](#)

Материалы II Всероссийской студенческой конференции. Башкирский государственный аграрный университет, Совет молодых ученых Башкирского ГАУ. 2008
Издательство: Башкирский государственный аграрный университет. — с. 301 – 302.

49. «Свобода» — значение слова в толковых словарях. / Сборник словарей// Glosum [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://glosum.ru/> . / Дата доступа: 21.05.2019

50. Сокова, О.Б. Взлёт / О.Б.Сокова.— Орёл: ООО Горизонт, 2017.— 120с.

51. Сокова, О.Б. Живые сказки /О.Б.Сокова//. — Орёл: ООО ПФ «Картуш», 2014. — 52 с.

52. Стоицизм /Студенческие реферативные статьи и материалы// Studref

[Электронный ресурс] . — Режим доступа: https://studref.com/421540/etika_i_estetika/stoitsizm . — Дата доступа: 21.05.2019.

53. Стрельцов, А. С. О роли познания в философии свободы Н. А. Бердяева – /А.С.Стрельцов// Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. — 2012. №1-1. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-poznaniya-v-filosofii-svobody-n-a-berdyayeva>. — Дата доступа: 24.05.2019.

54. Сухих, И.Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова / И.Н. Сухих. — Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1987 . — 184с.

55. Тихонов, Г.М.Эрих Фромм о воспитании и природе человека/ Г.М.Тихонов//Социально-экономическое управление. — 2011. — №1. — С.119-122

56. Терц, А.(А.Д. Синявский) Прогулки с Пушкиным/ А.Д.Синявский. — Санкт-Петербург, «Всемирное слово», 1993. — 160с.

57. Тульчинский, Г. Л. О природе свободы/ Г.Л. Тульчинский // HPSY [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x2870.htm> . — Дата доступа: 21.05.2019

58. Уитмен, У. Листья травы / У.Уитмен. — М.: Эксмо, 2015. — 352с.
59. Уитмен У. Листья травы/ У.Уитмен// Литмир (официальный сайт) [Электронный ресурс]. — 2019. — Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=205808&p=1>— Дата доступа: 27.05.2019
60. Успенская Л.А. А время всё успеет/ Л.А. Успенская. — Орёл: Издательство «Картуш», 2018. — 176с.
61. Успенская, Л.А. Свобода поступков./Л.А. Успенская.— Орёл: «3-е ИЮЛЯ», 2017.— 64с.
62. Успенская, Л.А. Недолговечен осенний букет./ Людмила Успенская.— Орёл: «Картуш», 2017.— 90с.
63. Феномен и ноумен // Studwood (Официальный сайт) [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://studwood.ru/572367/filosofiya/fenomen_noumen .— Дата доступа: 21.05.2019.
64. Фихте, И.Г. Несколько лекций о назначении учёного; Назначение человека; Основные черты современной эпохи: сборник / И.Г.Фихте. — Минск: ООО «Попурри», 1998. —480с.
65. Федотов Г. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике М. : 1990. — с 362 – 371.
66. Фромм, Э. Душа человека / Э.Фромм, пер. с нем.В.Закса . —М.: АСТ: Астрель, 2010. — 251с.
67. Фромм, Э. Психоанализ и религия; Искусство любить; Иметь или Быть?: Пер.с англ. — К.: Ника-Центр, 1998. — 400с.
68. Фромм, Э. Бегство от свободы; Человек для себя. / Э. Фромм. — Мн.: ООО «Попурри», 2000. — 672 с.
69. Хомук, Н. В. Поэзия Уолта Уитмена в феноменологическом аспекте/ Н.В. Хомук // Вестник Томского государственного педагогического университета. —2007. — №8. — С. 100-103.
- 70.Цветаева, М.И. Избранное/ М.И.Цветаева. — Сост., коммент. Л.А.Беловой.— М.: Просвещение, 1992.— 367 с.

71.Цветаева, М.И. Через сотни разъединяющих лет.../ М.И.Цветаева. — Коммент. А.А. Саакянц, Свердловск: Изд-во Урал, 1989.—416с.

72. Черняк Н.А. О кантовском различении морального и легального поступка/ Н.А.Черняк// Вестник ОмГУ. — 2017. — №1. — С.81-83 Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kantovskom-razlichenii-moralnogo-i-legalnogo-postupka>. — Дата доступа: 24.05.2019.

73. Чертков, В.Г.Римский мудрец Эпиктет. Его жизнь и учение / В. Г. Чертков. – М. : Посредник, 1911. – 96 с.

74. Чехов, А.П. Повести и рассказы в трёх томах/ А.П. Чехов. – М.: Гослитиздат, 1958. — 3 т.

75. Чехов, А.П. Письмо Чехова — А.С.Суворину 30 мая 1888г., г.Сумы/ А.П.Чехов// Lib.ru (официальный сайт) [Электронный ресурс]. — 2017г. —Режим доступа: http://az.lib.ru/s/suworin_a_s/text_0110.shtml. — Дата доступа: 15.06.2018

76. Чехов, А.П. Письмо Суворину А. С., 7 января 1889 г. Москва: («Посылаю Вам бумажку...»)/А.П.Чехов // Lit.ru (официальный сайт) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/pi3/PI3-1313.htm> . — Дата доступа 15.06.2018

77. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. /А.П.Чехов. —Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1983. — 30 т.

78. Чудаков А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение/ А.П.Чудаков. — М.: Сов. писатель, 1986. — 379 с.

79. Чуковский, К.И. О Чехове: Человек и мастер / К.И.Чуковский. — М.: Русский путь, 2008. —208с.

80. Чуковский, К. И. Мой Уитмен/ К.И. Чуковский. — М.: Прогресс, 1966. — 271с.

81. Шеллинг, Ф. В. Философские исследования о сущности человеческой свободы / Ф.В.Шеллинг — СПб., 1908. — 48с.

82. Шельгорн, Д.С. Эволюция представлений о свободе человека в философской мысли античности и нового времени /Д.С.Шельгорн // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. № 17. — Философия. Социология. Культурология. Вып. 33. — С. 163–169.

83. Эмерсон, Р.У. Эссе / Р.У.Эмерсон. — М.: Художественная литература. — 639с.

84. Эпиктет/Википедия // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BF%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%82>. — Дата доступа: 24.05.2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени И. С. ТУРГЕНЕВА»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
по направлению подготовки 50.04.01 Искусства и гуманитарные
науки

направленность (профиль) **Философия гуманитарных наук**

Студента Соковой Ольги Будимировны

Факультет философский

Тема выпускной квалификационной работы

**ФИЛОСОФСКИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ
«СВОБОДА»**

ПРИЛОЖЕНИЯ

Студент _____ Сокова О.Б.

Научный руководитель _____ к.ф.н., доцент Ковалёва Е.В.

Зав. кафедрой философии и культурологии _____ д.ф.н., проф. Пахарь
Л. И.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

О. Сокова

МАЙКИНО СЧАСТЬЕ

Во дворе, на бельевой верёвке, крепко схваченные прищепками, висели белая майка, да синее трико. Трико хозяйка прицепила в нормальном положении - ногами вниз. А майку зачем-то перевернула так, что бретельки оказались у самой земли.

— У меня начинает кружиться голова! — пожаловалась несчастная соседу.

— Да, подруга, — вздохнуло трико, — плоские мы сейчас, униженные. То ли дело, когда хозяин нас наденет! Объём, сила появляется, человеком себя чувствуешь!

— Недавно мне прямо на грудь капнули огромное жирное пятно, — фыркнула майка, — и я больше не хочу служить людям, ведь подумай: мы для них всего лишь нижнее бельё!

— А я в молодости много женщин повидало, а теперь дырявое уже, на пенсии, — махнуло штаниной трико.

Солнце быстро высушило его старую плоть, и вскоре майкин собеседник перекочевал с верёвки на гладильную доску, а с гладильной доски на полку в шкафу.

Перевернутая дама осталась в одиночестве.

— Придётся, видно, всю жизнь вверх тормашками болтаться, — расстроилась она, — а я такая белая, беззащитная, любой может подойти испачкать!

— К чему переживать? — улыбнулся пролетающий мимо майский жук, — наши имена так похожи! Ты тоже рождена в мае. Взмахни крылышками и взлети высоко-высоко! Там, в облаках, никто не сможет тебя обидеть!

Майка взглянула вверх и вдруг ощутила боль: зубастые прищепки крепко вцепились в её полотняный живот и явно не хотели отпустить на свободу.

Неожиданно налетел ветер. Он поднял белую красавицу на руки, оторвал её от верёвки и закружился в быстром свадебном танце. А жители дома смотрели из окон и удивлялись: то ли птица большая по двору носится, то ли флагом кто-то размахивает...

«Я примирю всех людей земли, и в мире никогда больше не будет войн!» — крикнула им майка. Она была счастлива, и ей хотелось, чтобы все вокруг тоже стали счастливыми.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Рис.1 Людмила Капитонова «Ул. Панчука»

Рис.2 Людмила Капитонова «Церковь Михаила Архангела»

Рис.3 Рембрандт Ван Рейн «Портрет пожилой женщины» 1654г.

Рис.4 Рембрандт Ван Рейн «Портрет старика в красном» 1654г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

О. Сокова

Свобода

Над неудачами моими,
Над винегретом бытия
Парит, скрываема я ныне,
Свобода вечная моя.

Над грязью вешнею, простудой
Она смеётся в небесах,
Мерцает безответным чудом,
Как невидимка в волосах.

И ловят лужи, как радары,
Её размытые черты,
И развесененные пары
Несут улыбки, как цветы.

Кому? Да мне! Приму их тайны
И развенчанье дисциплин,
Когда по тропке орбитальной
Спешу зачем-то в магазин,

А может... Позабыв про сумку,
Останусь здесь, на мостовой,
От солнца жмурящейся сукой,
Безгрешной, страстной и живой!

2007г. [50. с.10]

О.Сокова

Поэтический путь

Для того ли, чтоб ветреной, дивной свободе
Нам отдаться, из щели души ускользнув,
Из тисков этой боли, что веет в природе,
Изо всех тупиков, что так тянут ко дну,

Нам даны эти сцены печального рабства-
Ситуаций, где кажется, выхода нет?
А поэзия-шарик воздушный, лекарство,
Оттого мне всё легче меж злостей и бед.

И земное, набрав от страдания веса-
Пустотелей становится, словно взлетит,
И душа не пускает суЕтного беса
На своём поэтическом, чудном пути.

2014г. [50 с.16]

О.Сокова

Свобода

Как музыка, неуловима
Свобода витает моя
В краях, где желудков лавины
И злости скалистой края.

Над парком, над озером грустным,
Подёрнутом дымкою грёз,
Свобода витает искусно,
Не ведая боли и слёз,

Огромной незримой улыбкой
Свобода – как радуги мост,
В деяньях пустых и ошибках
Являет себя в полный рост,

И, словно мираж, утешенье
Пустынных и пыльных дорог,
Она неудачнику шепчет:
«глотни мой живительный сок!»

И если почувешь, услышишь
Её шевеленье внутри,
То сердца уставшую нишу
Свободе своей отвори.

Пусть прошлое смотрит невинно
Из-под козырька бытия-
Как музыка, неуловима
Свобода витает моя...

— 2008г. (не опубликовано)